ПИОНЕР

П 29
34

XVII ПАРТСЪЕЗД ПИОНЕРСКИМ САЛЮТ

2

Изд-во ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“ 1934 г.

К борьбе за рабочее дело — будь готов!

ПИОНЕР

№ 2

Орган ЦБ детской коммунистической организации им. Ленина при ЦК ВЛКСМ
Адр. ред.: ул. Горького, 8. тел. 5-60-76.

Январь 1934 г.

О чем рассказывает этот номер журнала

Семнадцатый с'езд партии открылся. Великий рулевой партии и страны рассказывает о том, как Центральный комитет вел нас от победы к победе. Тов. Сталин — наш великий рулевой, о Сталине расскажет этот номер журнала.

Именем Сталина мы называем самое лучшее, самое высокое, самое передовое в нашей стране. В журнале мы рассказываем о самой высокой горе, она называется — пик Сталина, самый сильный паровоз называется «Иосиф Сталин», самая крепкая сталь — это сталинит, их мы показываем в этом номере журнала.

Блестящими победами рапортует XVII партийному с'езду первый год второй пятилетки. В этом году передовые отряды наших разведчиков забрались туда, где не был до них никто на земле.

Разведчики неба взлетели в стратосферу выше всех. Горные разведчики в Памире забрались на самую высокую точку в стране. Разведчики дорог, автомобилисты, проделали самую трудную дорогу — 9.000 километров по нашей бескрайней стране, и наконец разведчики вод, водолазы, нырнули на страшную глубину и вытащили давно погибший корабль.

Об этих славных победах рассказывают страницы, которые вы прочтете. Они расскажут еще о канале, который начали рыть 50.000 заключенных воров, вредителей, а закончили 50.000 ударников-каналоармейцев.

К XVII с'езду с победами пришли не только взрослые рабочие и колхозники, но и ребята — миллионы пионеров-школьников. В подарок с'езду они добились миллионов «хорошо» и сотен тысяч «отлично», в подарок с'езду они несут свои изобретения, свои рисунки, проекты памятников, тысячи мешков зерна, спасенных от гибели ударниками полей. О лучших из них рассказывает этот номер журнала.

П 29
34

ДА ЗДРАВСТВУЕТ ВЕЛИКОЕ И НЕПОБЕДИМОЕ ЗНАМЯ МАРКСА, ЭНГЕЛЬСА, ЛЕНИНА!

ПОД ЗНАМЕНЕМ ЛЕНИНА, СТАЛИНА — ВПЕРЕД!

Г.П.Б. в Лнгр.
Ц. 1934 г.
Акт. №302

Рабочий класс СССР силен не только тем, что у него имеется испытанная в боях ленинская партия. Он силен, далее, не только тем, что имеет поддержку миллионных масс трудящихся крестьян. Он силен еще тем, что его подпирает и ему помогает мировой пролетариат. Рабочий класс СССР есть часть мирового пролетариата, его передовой отряд, а наша республика — детище мирового пролетариата. Не может быть сомнения, что если бы не было у него поддержки со стороны рабочего класса капиталистических стран, он не удержал бы власти в своих руках, он не обеспечил бы условий для социалистического строительства, — стало быть, у него не было бы тех успехов, которые он имеет теперь.

Интернациональные связи рабочего класса СССР с рабочими капиталистических стран, братский союз рабочих СССР с рабочими всех стран — вот один из краеугольных камней силы и могущества Республики советов. Рабочие на Западе говорят, что рабочий класс СССР является ударной бригадой мирового пролетариата. Это очень хорошо. Это значит, что мировой пролетариат готов и впредь поддерживать рабочий класс СССР по мере сил и возможностей. Но это накладывает на нас серьезные обязанности. Это значит, что мы должны оправдать своей работой почетное звание ударной бригады пролетариев всех стран. Это обязывает нас к тому, чтобы работать лучше и бороться лучше за окончательную победу социализма в нашей стране, за победу социализма во всех странах.

Отсюда третий вывод: БЫТЬ ВЕРНЫМИ ДО КОНЦА ДЕЛУ ПРОЛЕТАРСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМА, ДЕЛУ БРАТСКОГО СОЮЗА ПРОЛЕТАРИЕВ ВСЕХ СТРАН.

(Из доклада т. Сталина на XVII с'езде партии)

РАССКАЗЫ О СТАЛИНЕ

Рассказывают товарищи А. Енукидзе, Демьян Бедный, К. Ворошилов и ударник-колхозник Телятников

Сосо Джугашвили 14 лет

„НАШ СОСО",—ГОВОРИЛИ О НЕМ РАБОЧИЕ

А. Енукидзе

Как быстро время в своем движении! Совершенно ясно встает перед моими глазами молодой Сосо Джугашвили в Тифлисе, где я имел с ним первое деловое свидание. А ведь это было 29 лет назад! В то время Владимир Кецховели налаживал в Баку маленькую нелегальную типографию. Ему нужны были два надежных наборщика и шрифт. Кецховели послал меня в Тифлис за шрифтом и наборщиками. «Найди там Сосо Джугашвили, он хороший парень, расскажи ему все, и он поможет». После краткого разговора с Сосо я получил все и вечером выехал обратно в Баку.

Сталин и тогда, как теперь, не отличался словоохотливостью. Краткость, ясность, точность с молодых лет были его отличительными чертами. Еще будучи семинаристом, Сталин занялся чтением книг по естественным наукам, по социологии и по рабочему движению, но все это делалось им тайком, строго конспиративно. Несмотря на все предосторожности, это не ускользнуло от недремного ока монашествующих надзирателей и инспекторов, и Джугашвили вылетел из семинарии. Сталин, сын пролетария-сапожника, сам сознавал, что не место ему в семинарии, и, как только он был изгнан из бурсы, бесповоротно и навсегда пошел к рабочим.

Сталин начал свою подпольную революционную работу в кружках тифлисских железнодорожных рабочих, затем работал у табачников, кожевников и среди рабочих-кустарей. Естественная простота его речи и обращения с людьми, его абсолютная беззаботность в отношении личных жизненных удобств, его внутренняя твердость и полное отсутствие суеты, его тогда уже заметная подготовленность сделали его, еще молодого работника, авторитетным и своим человеком среди тифлисских рабочих. «Наш Сосо»,—говорили о нем рабочие.

В личных спорах и дебатах Коба участия не принимал. И всегда вызывал каждого на «организованную дискуссию».

В Закавказье Коба слыл как второй Ленин. Он считался «лучшим знатоком марксизма...».

Отсюда его совершенно особенная ненависть к меньшевизму. По его мнению, всякий, называющий себя марксистом, но толкующий Маркса не по-большевистски,—прохвост...

Он всегда активно поддерживал зачинщиков. Это делало его в глазах тюремной публики хорошим товарищем.

Когда в 1909 г., на первый день пасхи, первая рота Сальянского полка пропускала через строй, избивая весь политический корпус, Коба шел не сгибая головы под ударами прикладов с книжкой в руках».

Вот посмотрите-ка!
Как оскандалилась вражеская критика!
Сталин — не эсеровского романа герой,
Но, правда, любые перерывает плотины.
Разве сталинское прохождение «сквозь строй»
Не сюжет для героической картины?!

За время моего пребывания в Баиловской тюрьме Кобу дважды высылали в северную губернию в административном порядке. Он всегда убегал.

В 1912 г. я встретился с ним в Нарымском крае, в селе Колпашове.

Он там провел несколько дней до переезда в местечко Нарым. Прибытие Сталина в Нарымский край оживило деятельность большевиков и ознаменовалось серией побегов: неудачно пытался бежать Свердлов (был задержан под Томском), затем бежал Лашевич и наконец сам Сталин.

После этого я Кобу не встречал до I с'езда советов в Петрограде в 1917 году... Я знал уже, что Коба член ЦК партии большевиков.

Когда я встретился с Кобой, мы стали ожесточенно спорить... Я обратил уже тогда внимание на особую веру Сталина в неизбежную победу большевиков, меня это немало тогда смущало. Уверенность человека, обыкновенно попусту слов не бросающего, заставляла думать о неизбежной борьбе с большевиками».

СВИДЕТЕЛЬСТВО ВРАГА

(Из фельетона Демьяна Бедного „С подлинным верно")

Некий бывший эсер,
Семен Верещак по прозванию,
Пробовал товарища Сталина предать ошельмованию:
«Я,—разбахвалился эсеровский Семен,—
Я знаю его, большевистского имярека,
С давних-предавних времен
(Двадцать лет — это нынче два века!).
Я о нем столько свидетельств приведу:
Его прозвище подпольно — Коба.
Мы с ним в 1908 году
В бакинской тюрьме очутились оба.
Я его знаю насквозь.
Хоть мы шли политически врозь,
Мы встречались на общих «пересыльных этапах»,
У жандармов очутившись в лапах».
Семен Верещак сегодня в белой эмиграции.
Ему не по сердцу большевистские операции.
В частности у этого представителя «демократии»
Нету к Сталину ни малейшей симпатии:
Ему не нравится — ни сталинский нос,
Ни цвет сталинских волос,
Ни сталинский голос — ни единая нотка!
Ни сталинская походка.
Но... дадим лучше слово
Самому Верещаку,
Каким он рисует Сталина былого
В тюремной камере в Баку.

«Я был еще совсем молодым, когда в 1908 г. бакинское жандармское управление посадило меня в бакинскую Баиловскую тюрьму...

Однажды в камере большевиков появился новичок... И когда я спросил, кто этот товарищ, мне таинственно сообщили: «Это—Коба». Итак, Коба, под фамилией Сосо Джугашвили, как член российской партии с.-д. (большевиков) был принят в коммуну.

Среди руководителей собраний и кружков выделялся и Коба как марксист. В синей сатиновой косоворотке, с открытым воротом, без пояса и головного убора, с перекинутым через плечо башлыком, всегда с книжкой.

Тов. Коба (Сталин) в ссылке в 1908 г.

Тов. Сталин в 1917 г.

Тов. Сталин в 1920 г. на Южном фронте

БРАТИШКИ ВЫШЛИ С „КАРАНДАШАМИ"

Демьян Бедный

Накануне июльского выступления, в 1917 г., в редакции «Правды» днем сидим мы вдвоем: Сталин и я. Трещит телефон. Сталина вызывают матросы, кронштадтские братишки. Братишки ставят вопрос в упор: выходить им на демонстрацию с винтовками или без них? Я не свожу глаз со Сталина. Мне смешно. Меня разбирает любопытство, как Сталин будет отвечать о винтовках. По телефону!

Сталин тоже как-то смешно и лукаво до последней степени сморщил лицо, погладил свободной рукой усы и говорит:

— Винтовки?.. Вам, товарищи, виднее!.. Вот мы, писаки, так свое оружие, карандаш, всегда таскаем с собою... А как там вы со своим оружием, вам виднее!..

Я в бешеном восторге катался со смеху по дивану.

Ясное дело, что братишки вышли на демонстрацию со своими «карандашами».

ОБОРОНА ЦАРИЦЫНА

К. Ворошилов

В период 1918 и 1920 гг. т. Сталин являлся, пожалуй, единственным человеком, которого Центральный комитет бросал с одного боевого фронта на другой, выбирая наиболее опасные, наиболее страшные для революции места.

К Царицыну подошли остатки украинских революционных армий, отступающих под натиском германских войск через донские степи.

Царицын в тот период был переполнен контрреволюционерами всевозможных мастей: от правых эсеров и террористов до махровых анархистов. Все эти господа до появления т. Сталина и прибытия революционных отрядов с Украины чувствовали себя почти свободно и жили, выжидая лучших дней. Чтобы обеспечить реорганизацию красных сил на фронте, нужно было железной, беспощадной метлой прочистить тыл. Реввоенсовет во главе с т. Сталиным создает специальную Чека и возлагает на нее обязанность очистить Царицын от контрреволюции.

Город, в котором еще недавно в садах гремела музыка, где сбежавшаяся буржуазия вместе с белым офицерством открыто толпами бродила по улицам, превращается в красный военный лагерь.

Руководство т. Сталина не ограничивается кабинетом. Когда необходимый порядок наведен, когда восстановлена революционная организация, он отправляется на фронт, который к тому времени растянулся на 600 километров с лишним. И нужно было быть Сталиным и обладать его крупнейшими организаторскими способностями, чтобы, не имея никакой военной подготовки (т. Сталин никогда не служил на военной службе), так хорошо понимать специальные военные вопросы в тогдашней чрезмерно трудной обстановке.

Помню, как сейчас, начало августа 1918 г. Красновские казачьи части ведут наступление на Царицын, пытаясь концентрическим ударом сбросить красные полки в Волгу.

Это были дни величайшего напряжения. Нужно было видеть т. Сталина в это время. Как всегда спокойный, углубленный в свои мысли, он буквально целыми сутками не спал, распределяя свою интенсивнейшую работу между боевыми позициями и штабом армии.

Фронт противника, построенный подковой и упиравшийся своими флангами в Волгу, с каждым днем сжимался больше и больше. У нас не было путей отхода. Но Сталин о них и не заботился. Он был проникнут одним сознанием, одной единственной мыслью — победить.

И мы победили. Разгромленный враг был отброшен далеко к Дону.

РАССКАЗ О СТАЛИНЕ

ТЕЛЯТНИКОВ. Когда на с'езде сказали: «Послать с делегацией к т. Сталину Якова Телятникова», я так и задрожал: неужели, думаю, увижу я самого нашего дорогого т. Сталина? Однако факт. С'езд постановил. И я поехал с делегацией в Москву.

И вот приехали мы в Кремль. Мы, колхозники, зашли туда просто, как к себе в хату. Нас еще у ворот встретили: «А, делегация... Ну, милости просим...»

Сам т. Сталин открыл нам двери. Пожал каждому руку. «Здравствуйте, — говорит, — присаживайтесь!» И вот выпала мне, товарищи-колхозники, величайшая честь—сидеть рядом с т. Сталиным, близко, так же вот, как я теперь с Прохоровым...

Тов. Сталин принял у нас рапорт областного с'езда колхозников. Передали мы ему и личные подарки от колхозников — белый, как снег, хлеб и бюст Ленина из сахара. Благодарил он нас.

И вот началась беседа.

Первое, о чем спросил т. Сталин, это — чего нам, колхозникам, не хватает. Ну, мы и говорим: «Того, этого... о сапогах. Ботинок, мол, в кооперации много, а вот сапог мало. С мылом неблагополучно». А т. Сталин тогда отвечает, что все это временно, что государство уже позаботилось о том, чтобы в ближайшее время товаров широкого потребления было выпущено вдвое-втрое больше, чем теперь. «Так, — говорит т. Сталин, — и передайте колхозникам».

КУЛИБАБА СЕМЕН (конюх). Вот это хорошо... Значит знает, что нам нужно!

ТЕЛЯТНИКОВ. Спросил нас т. Сталин, как это в прошлом году наша область не выполнила хлебозаготовок, а в этом году выполнила досрочно.

Интересовался т. Сталин, за сколько дней наш «Серп и молот» в прошлом году засеял, скосил, хлебосдачу выполнил и за сколько в этом году.

Я, конечно, рассказал. А подконец спросили мы т. Сталина, что нужно для того, чтобы колхозники стали зажиточными. Для этого, говорит, нужно, чтобы колхоз был зажиточным, крепким, чтобы каждый колхозник честно работал в колхозе и берег колхозное добро. Вот главное. И об этом нам нужно всем помнить.

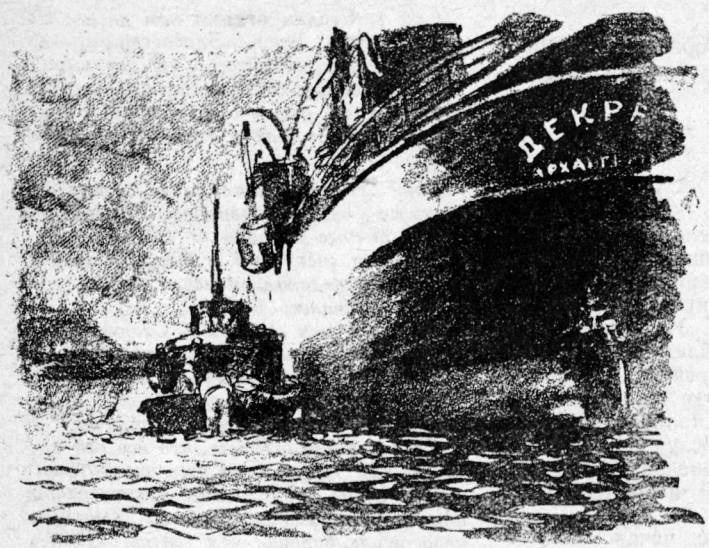
НАСТОЯЩИЕ ЛЮДИ

Начальник Эпрона—Фотий Крылов

Очерк И. Соколова-Микитова *Рис. Аввакумова*

Помню: бледный рассвет полярного дня, льды, высокие готические горы далекого Свальбарда. Выброшенный на камни, лежащий на боку, обледенелый корабль кажется мертвым.

Ледяная пустыня окружает корабль, на котором расселились одетые в полушубки люди. Люди топорами вырубили скопившийся в помещениях лед, наскоро установили маленькие чугунные печи в полуразрушенных пароходных каютах, с потолка которых свисают ледяные сосульки и непрерывным потоком льет ледяной дождь. Одеяла за ночь примерзают к постелям. Чтобы



Водолазный бот у борта спасательного судна „Декрет", на котором жила вся экспедиция

не упасть в глубокий провал трюма, наполненного ледяной водой, людям приходится ползать по наклонной палубе, цепко держась руками за стены.

Работы по спасению обмерзшего, полузатопленного «Малыгина» начались сейчас же по вступлении экспедиции подводных работ особого назначения на корабль. Не было потеряно ни одной минуты. В течение десяти суток водолазами был обследован корпус затонувшего судна (работали, спускаясь в прорубленные во льду лунки), были заделаны и мелкие пробоины в железном днище корабля, было выкинуто на лед (разгрузка происходила под водой вручную) много тысяч пудов смерзшегося груза. При помощи электрических и моторных помп откачали воду из трюмов и машинного отделения корабля. В течение десяти суток люди работали непрерывно, забывая о пище и сне. В течение десяти суток не вылезал из обледенелых трюмов, не сходил с мерзлой палубы начальник экспедиции Фотий Крылов.

На десятый день корабль всплыл.

★

Ровно три месяца спустя мне привелось быть на месте работ по под'ему подводной лодки. Эта лодка потонула во время учебного погружения. Место, где погрузилась лодка на дно, не успела отметить. Это чрезвычайно затрудняло розыски затонувшей лодки. Нужно было обыскать и протралить большой район моря. Почти два лета продолжались поисковые работы. С помощью тралов и электрических металлоискателей люди обшаривали морское дно.

Однажды электрические приборы показали присутствие большой массы металла. Несмотря на огромную глубину, нашелся охотник из водолазов, согласившийся спуститься для обследования затонувшего судна. Как показало обследование, это был броненосец царского флота «Русалка», безвестно погибший несколько десятков лет назад.

По странному совпадению корпус затонувшей лодки был обнаружен всего в нескольких десятках саженей от «Русалки». Лодка лежала на глубине пятидесяти саженей. На таких глубинах водолазы еще не отваживались работать. В недавнее время предельная глубина, на которую отваживались спускаться опытные водолазы, не превышала двадцати пяти саженей. Большие глубины считались опасными для жизни человека, не вооруженного специальным жестким скафандром.

Среди водолазов Эпрона нашлось немало охотников начать работу на еще неиспытанной глубине. Спуск и под'ем водолаза требуют особых приспособлений и исключительной внимательности.

Чем больше была глубина, тем медленнее происходит под'ем, тем чаще и длительнее ступени под'ема.

На глубине пятидесяти саженей абсолютный мрак, гробовая темнота. Тускло светит лампочка, прикрепленная к обшлагу резинового водолазного костюма. Освещенный автомобильной лампочкой, круг ограничивается расстоянием, достаточным для того, чтобы протянуть руку.

Каждый спуск на большую глубину грозит водолазу смертью. Стоит запутаться шлангу, стоит застрять или быть прижатым случайно обрушившимся грузом, стоит

на короткое время потерять власть над собой — и водолазу водяной конец.

Молодой водолаз Гут рассказал мне однажды характерный эпизод. Речь шла о спуске на затонувшую подводную лодку.

— Положенную мне работу,— делился впечатлениями Гут,— я выполнил в несколько минут. У меня еще оставался небольшой запас времени. Я знал, что меня скоро позовут наверх. Я подумал: чем спускаться другому, тратить драгоценное время, я успею обойти корму и укрепить трос.

В темноте я стал обходить корму и вдруг почувствовал, что застрял. Сначала я не мог понять, что именно держало меня. Я старался освободиться и не мог. Для водолаза самое опасное растеряться и поддаться панике. Я старался быть спокойным. Наверху уже знали, что я нахожусь в опасности. Самое скверное, думал я, что все товарищи уже спускались и запасных водолазов нет. Я почувствовал, как стала кружиться голова, как тяжело застучало в висках. Потом перед глазами пошли круги, круги плыли, лопались, вырастали — синие, оранжевые, красные. Вдруг мне показалось, что слышится музыка...

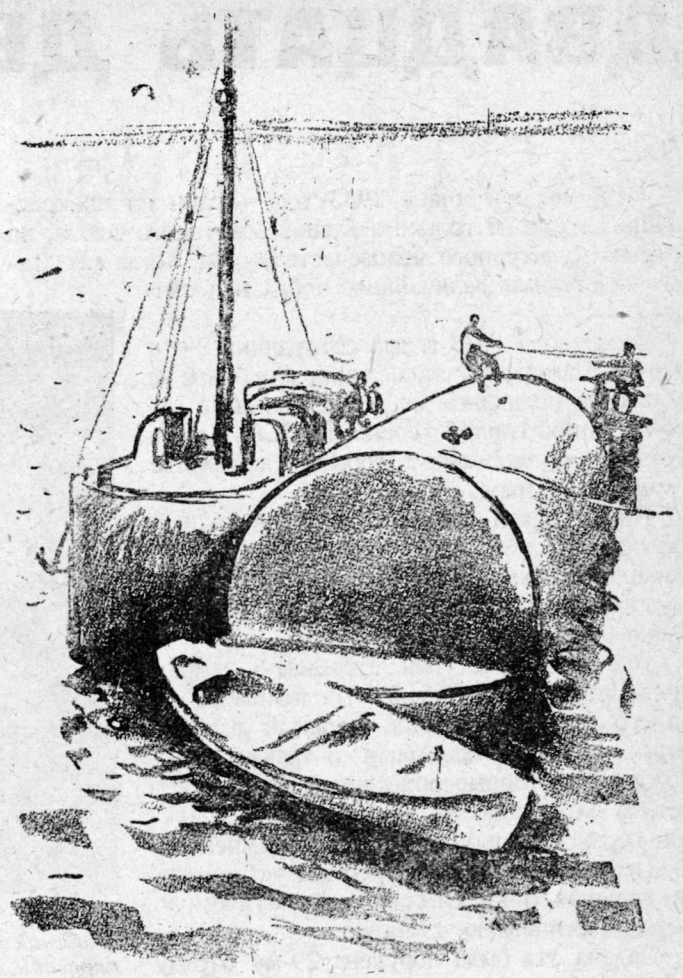
Песенка моя была бы спета, если бы один из товарищей не бросился мне на помощь. Он только что вышел из воды и не успел выдержать положенного для отдыха срока. Новый спуск был опасен для жизни товарища. Несмотря на это, он надел скафандр и спустился под воду. Меня он нашел в беспамятном состоянии лежащим на грунте. Товарищ освободил шланг, запутавшийся вокруг выступа лодки, ухватил меня за рубаху водолазного костюма, и нас стали поднимать вместе.

На четвертой выдержке я пришел в себя.

★

В пустынном Кандалакшском заливе, усеянном лесистыми островками, семнадцать лет назад, наткнувшись на подводный камень, затонул ледокол «Садко». Находившиеся на корабле люди благополучно высадились на ближайший островок. Первою же зимою льды, наполнившие залив, срезали трубу и мачты, видневшиеся над поверхностью залива.

Семнадцать лет пролежал «Садко» в подводном царстве. Первые попытки поднять его окончились полной неудачей. Железный корпус мощного корабля, казалось, был обречен на забвение и погибель.



Приготовление понтона к спуску под воду

Много лет спустя на розыски и обследование «Садко» были командированы водолазы Эпрона. Два лета велись подготовительные работы. Потребовалось много труда, смекалки и настойчивости, чтобы подготовить корабль к под'ему.

Водолазы прорыли под корпусом лежавшего на каменном грунте корабля двенадцать туннелей, в которые были продернуты двенадцать железных полотенец; на них в момент под'ема должна была лечь вся тяжесть корабля.

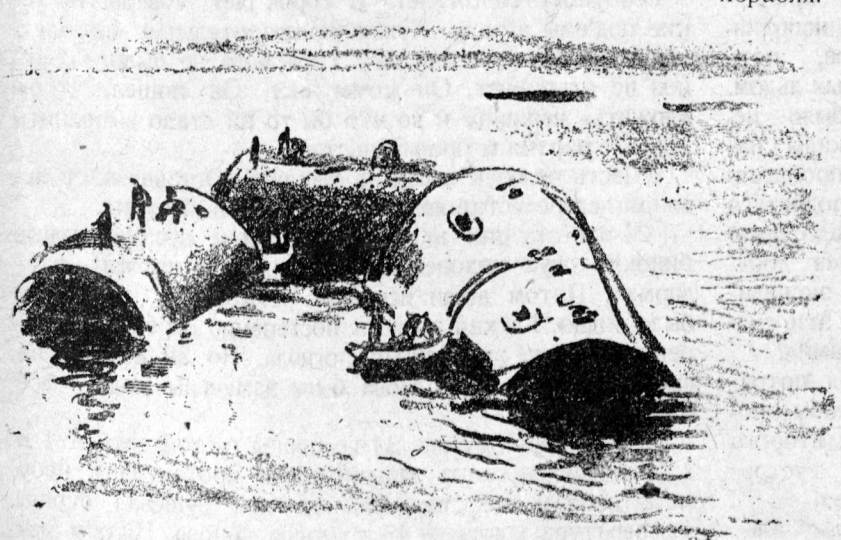
Последние недели перед под'емом работы велись круглые сутки. Нарушая устав водолазного дела, работавшие под водой добровольно оставались на дне по восьми-девяти часов невылазно.

Дважды под'ем не удавался. Дважды, на глазах у взволнованных людей, на поверхности моря показывалась ржавая, покрытая ракушками корма корабля. Дважды, сорвавшись с невыдержавших тросов, с шумом вылетали понтоны.

Дважды, не теряя ни минуты и секунды, эпроновцы снова брались за дело, и, сохраняя улыбку (чего стоила эта улыбка!), заявлял окружающим Фотий Крылов:

— «Садко» будет поднят. Зубами вырвем.

И вырвали. После настойчивой двухлетней работы (лето в Кандалакше короткое) пролежавший семнадцать лет под водою корабль всплыл.



Авария—вылет понтонов. Эпроновцы под'ехали на лодках, чтобы не дать понтонам уплыть

ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ ОТРЯД

Очерк К. Паустовского
Рис. П. Староносова

Отшумел и прошел 1933 год, — один из прекраснейших годов не только в жизни Советского союза, но и всего культурного человечества,—год, когда мы стали свидетелями величайших побед над стихией.

3 сентября 1933 г. два сотрудника 29-го отряда Памирской экспедиции Горбунов и Аболаков поднялись на отвесные льды самой высокой горной вершины СССР — пика Сталина в загадочном горном лабиринте Гармо на Памире.

Пик Сталина увидели впервые в 1928 г. Он подымался на высоту 7.500 метров, вершина его лежала в стратосферических областях земли, синеватых, как лед, и прозрачных от нестерпимой стужи.

Пик был недоступен, страшен и загадочен. Ветры тысячелетий отполировали лед на его отвесных ребрах, снежный дым курился над ним медленным и непрерывным пожаром, и горные орлы не решались пролетать около ущелий, где со свистом снарядов неслись в пропасти лавины камней.

Правительство СССР решило установить на вершине пика Сталина автоматическую метеорологическую станцию.

Задача эта была поручена 29-му отряду Памирской экспедиции.

Больше месяца отряд готовился к под'ему в ледниковом лагере у подножья пика. Лагерь лежал на высоте Монблана.

От лагеря до вершины шел отвесный гребень, покрытый фирном. Ширина гребня была не больше ладони. По сторонам этой смертельной тропы чернели пропасти, сжимающие сердце.

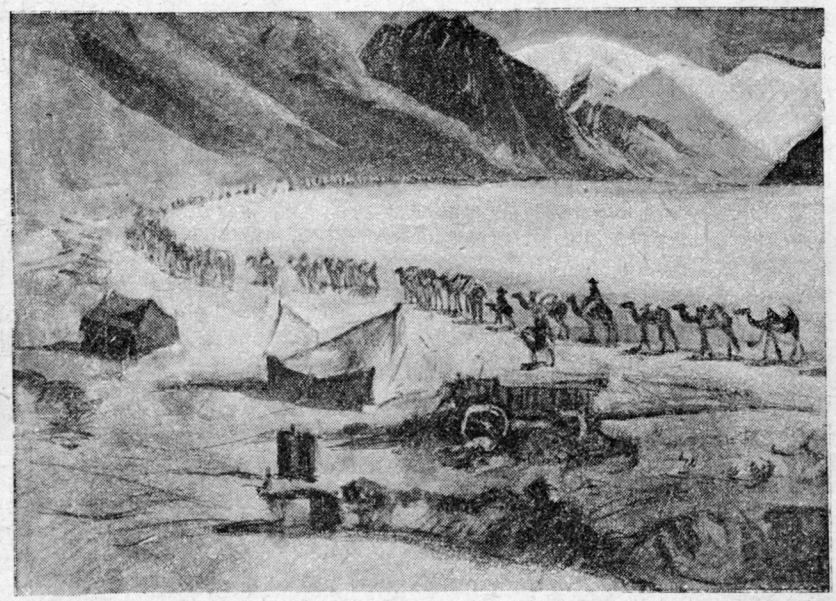
Западный Памир граничит с Афганистаном. Населяют его таджики. На рисунке: таджики слушают игру на рбобе

Но на этом единственном остром гребне, по которому можно было двигаться, было пять почти непреодолимых препятствий—пять исполинских порогов, пять скал, покрытых льдом. Обойти их было невозможно: скалы нависали над пропастями, чтобы подняться к вершине, надо было брать скалы «в лоб». Сотрудники экспедиции прозвали эти скалы «жандармами».

Месяц был потрачен на то, чтобы около первого и второго «жандармов» устроить небольшие лагери и склады продовольствия.

Во время этих работ сорвался с гребня и погиб альпинист Николаев. Он упал в пропасть глубиной в 500 метров. Тела его не нашли.

Во время поисков Николаева альпинист Харлампиев, закаленный человек, бывший боксер, простудился и заболел воспалением легких. На высоте Монблана



Алайская долина — самая высокая часть Памира (4.060 м.). Громадные караваны, от двух до пяти тысяч верблюдов, проходят ***Крышу мира,*** *забрасывая продукты для местных кооперативов*

воспаление легких смертельно. Харлампиев лежал в палатке в жару и часами смотрел в бинокль в пропасть, разыскивая труп Николаева.

Над пропастью парили орлы.

22 августа шесть человек вышли из ледяного лагеря на штурм вершины. Имена этих людей, показавших примеры величайшего мужества и упорства, имена Горбунова, Аболакова, Гетье, Гущина, Цака и Шиянова должны знать все. Они рисковали и рисковали сознательно. Но не во имя мировых рекордов или газетной шумихи, а во имя советской науки, во имя того, чтобы показать всему человечеству спокойствие, доблесть и крепкую волю людей новой, социалистической эпохи.

Горбунову сорок лет. В сорок лет совершать такие под'емы нельзя. Нужна предварительная многолетняя тренировка, которой у Горбунова не было. Горбунов не альпинист. Он коммунист. Он пошел, чтобы «дожать» вершину и во что бы то ни стало выполнить задание партии и правительства.

Шесть человек ушли на вершину. Оставшиеся в ледяном лагере установили наблюдательный пункт.

24 августа они впервые увидели в восьмикратные бинокли двух человек на ребре около пятого «жандарма». Потом люди исчезли. Четыре дня никого не было видно. Глухая тревога постепенно перешла в уверенность, что экспедиция погибла. Но 29 августа на высоте 6.300 метров снова были замечены люди — все шесть человек.

30-го утром—туман, 31-го пошел густой снег, а 1 и 2 сентября вершина задымилась и протянула к небу гигантские белые смерчи, — над ней бушевал буран. Температура упала до 45 градусов мороза. Шторм ревел два дня, обнажая вековые льды от пластов снега и затягивая пропасти непроницаемой мглой.

Оставшиеся знали, что это гибель, что такой шторм на ледяных остриях пики, в его смертельно холодных, головокружительных высотах вынести нельзя.

Вечером 2 сентября шторм стих. Крики с наблюдательного пункта подняли всех на ноги. В бинокль были замечены люди, спускавшиеся с пика.

Первыми вернулись Гущин и Шиянов. У Гущина была разорвана до кости кисть руки. Он подымался первым вместе с Аболаковым, лучшим «скальным мастером» СССР. Остальные четверо шли далеко позади.

Аболаков шел впереди и стронул камень. Камень сорвался, перебил канат, связывавший Гущина и Аболакова, и раздробил Гущину руку. Аболаков перевязал Гущина. Надо было решать: или продолжать восхождение или спуститься с раненым Гущиным вниз, так как без помощи Аболакова Гущин спуститься был не в силах и неизбежно сорвался бы с ледяной отвесной стены. Спускаться — значило отказаться от всяких попыток штурмовать пик. Спуск выводил из строя лучшего альпиниста Аболакова. На второй под'ем даже у Аболакова уже не хватило бы сил.

И Гущин решил подыматься. Он пополз вверх, оставляя на снегу кровавые следы от промокшей перевязки. Он полз вверх, превозмогая боль и тащил за плечами разобранные приборы метеорологической станции.

28-го восхождение продолжалось. Альпинисты перешли на голодный паек: несколько ложек манной каши, две галеты и чай, который кипятили на сухом спирте.

29-го поднялись на высоту 6.900 метров.

Здесь оставили Гущина, Шиянова и Цака. У Гущина кровоточила рана, у Шиянова начались жестокие головные боли от разреженного воздуха, Цак замерзал из-за слишком тесной обуви.

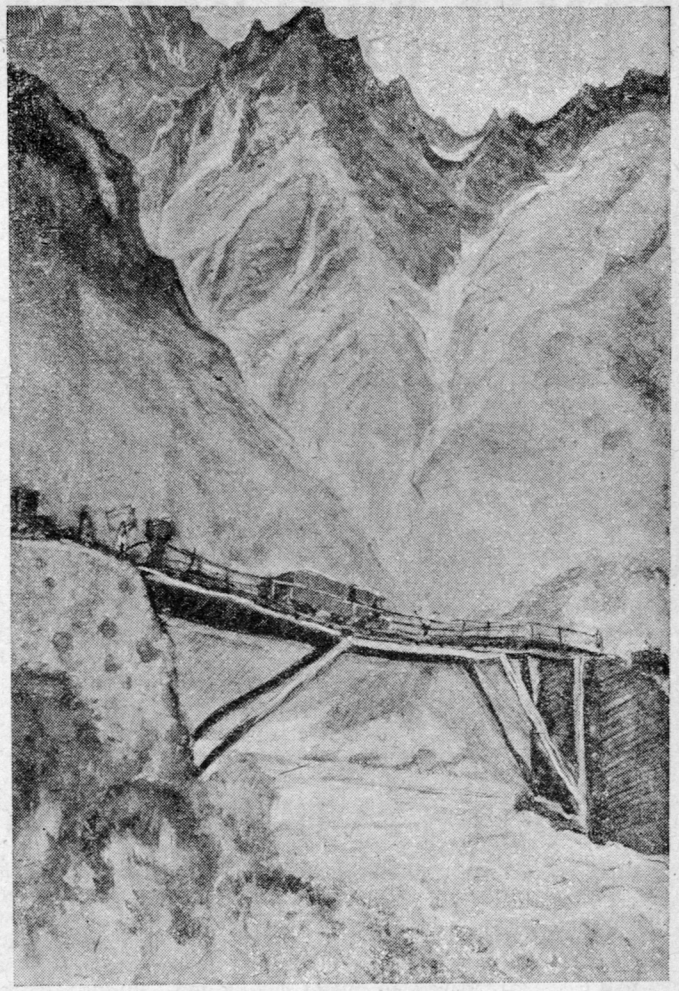
Дальше пошли трое: Горбунов, Аболаков и Гетье. Они шли и падали через каждые десять шагов, страшный воздух ледниковых вершин рвал легкие и спазмами сжимал горло.

В ночь на 31 августа у Гетье началась рвота желчью. Поминутно останавливалось сердце. Экспедиция поднялась в те смертоносные области, где без баллонов с кислородом почти невозможно дышать.

Пришлось остановиться и разбить палатку. В это время сорвался шторм. Он гудел над льдами и нес стремительный снег. Температура упала до 50 градусов. Шторм длился два дня, и два дня Гетье упорно боролся со смертью. Снег засыпал палатку доверху, и Аболаков с трудом выбрался из нее и откопал Горбунова и Гетье.

3-го шторм стих. Гетье, теряя сознание и мучаясь тяжелой рвотой, позвал Горбунова и предложил ему и Аболакову оставить его одного в палатке и продолжать восхождение. Вершина была недалеко.

Горбунов и Аболаков надели обледенелые штормовые костюмы и пошли. Они прошли недолго. Каждый шаг стоил километров. Тогда Аболаков стал на четвереньки и пополз к вершине. За ним пополз Горбунов. Двигать ногами они почти не могли.



Первые автомобили в горах Памира. На переправах приходилось перетаскивать поклажу на собственных плечах. Машины и пустые едва проходили по шатким мостам

К вечеру они всползли на вершину и встали.

Тысячи ледяных вершин лежали перед ними, освещенные косыми лучами заходящего солнца. Неведомая горная страна, взнесенная к холодному небу, простиралась вокруг... мертвая, величественная и ошеломляющая сознание.

Горбунов и Аболаков установили метеорологическую станцию, сделали с'емку пика и оставили под камнем жестянку с запиской:

«Высочайшая вершина СССР — пик Сталина — взята штурмовой группой 29-го отряда Таджикско-Памирской экспедиции 3 сентября 1933 г.».

Писал Аболаков. У Горбунова были отморожены пальцы на руках и ногах. Пальцы на ногах Горбунову ампутировали месяц спустя в Москве.

С вершины спустились все.

Такова простая и суровая история этой экспедиции. К этой истории нельзя ничего прибавить. Она прекрасна и величественна сама по себе и не нуждается в торжественных описаниях.

Ручная мельница. Катая каменный шар на каменном столе, давят орехи на масло, „мелют" зерно на муку

САМОЕ СИЛЬНОЕ, САМОЕ ЛУЧШЕЕ, САМОЕ

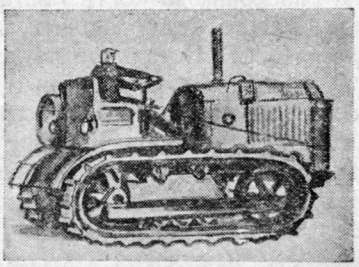
СЕРИЯ „И. С.“

Каждый тип паровоза обозначается буквами. Железнодорожники, бросив взгляд на букву паровоза, могут подробно рассказать об его устройстве и силе.

Но в начале 1933 года железнодорожники Московско-Курской железной дороги с удивлением провожали глазами паровоз с невиданными еще ими буквами «И. С.».

Это был первый мощный советский паровоз для пассажирских поездов серии «Иосиф Сталин». Этот паровоз идет со скоростью 100 км в час и тянет 20 вагонов, он в полтора раза сильнее, чем самые мощные паровозы СССР, и не уступает лучшим заграничным паровозам. В этом году выпускаются первые десятки «И. С.». Пройдет несколько лет, и все наши пассажирские поезда будут снабжены только паровозами марки «И. С.».

„СТАЛИНСКИЙ СНАРЯД“



«Сталинскими снарядами» рабочие Челябинского тракторного завода называют свои тракторы.

Каждый из этих мощных тракторов равен по своей силе трем сталинградским тракторам. Каждый год сорок тысяч таких «сталинских снарядов» будет выпускать завод.

Это все равно, что если бы из ворот завода ежегодно выбегал табун в два миллиона лошадей.

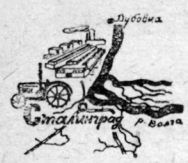
Самый большой в мире завод гусеничных тракторов «Катерпиллер» в Америке выпускает в год всего 5 тыс. таких тракторов.

«Сталинские снаряды» могут сразу тянуть за собой 12 плугов, 6 сеялок, два комбайна, могут работать на самой тяжелой (мокрой, глинистой и засоренной) почве.

ПЯТЬ СТАЛИНСКИХ ГОРОДОВ

В СССР есть пять городов, носящих одно и то же имя.

СТАЛИНГРАД



Этот город Сталин отстаивал во время гражданской войны. Через него лежал путь к богатому Северному Кавказу. Белые армии грозили отрезать хлеб от Советской России. Красные армии отступают. В Царицыне с двумя броневиками и ротой красноармейцев появляется т. Сталин. Своей необыкновенной энергией и организованностью он быстро превращает отступающие части в наступающие. Враг отбит, дорога к хлебу открыта.

Не похож теперешний Сталинград на старый купеческий Царицын.

В старом Царицыне было 400 кабаков, 15 церквей, всего 7 школ. А Сталинград имеет 97 учебных заведений. В нем полмиллиона жителей, в шесть раз больше, чем в Царицыне.

Вместо семи небольших царицынских заводиков в Сталинграде 147 предприятий. Среди них есть такие мировые гиганты, как первый в СССР тракторный завод, дающий 144 трактора в день; самый большой в СССР завод особых сортов стали «Красный Октябрь»; самый большой в Европе лесопильный завод «Электролес» и т. п. Новый город с честью носит имя Сталина. Во второй пятилетке в Сталинграде будет построен большой автомобильный завод.

СТАЛИНО

Во время гражданской войны на юге России белые войска вел генерал Деникин. Красная армия, отступая, готовилась к контрнаступлению. В Реввоенсовете спорили, куда наступать. Одни говорили — через Донские степи. Тов. Сталин предложил свой план наступления через Донбасс. На Северном Кавказе казаки враждебно относятся к советской власти, а в Донбассе шахтеры поддержат наступление Красной армии. Ленин поддержал план Сталина. Красная армия ринулась на Донбасс. Шахтеры поддержали ее, и Деникин был разбит. Героические шахтеры Донбасса в честь победы Красной армии назвали свой город Юзовку городом Сталина.

В этом городе пронизывает землю самая глубокая в СССР шахта, дымятся трубы металлургического и химического заводов.

СТАЛИНАБАД

В 1913 г. Ленин, который жил в то время в Австрии, написал Максиму Горькому письмо. В нем он писал:

«У нас один чудесный грузин засел и пишет большую статью».

Ленин писал о т. Сталине, который приехал к Ленину на совещание большевиков. По поручению Ленина Сталин писал статью о национальном вопросе, о том, как революция должна помочь угнетенным народностям. Тов. Сталин вместе с Лениным подробно разработал этот вопрос. После Октябрьской революции т. Сталин был назначен наркомом по делам национальностей. Он помогал отсталым народам СССР быстрее догнать передовые. Когда трудящиеся седьмой советской республики, Таджикистана, начали строить свой главный город, они назвали его Сталинабадом.

СТАЛИНСК

Пустынная степь. В 1919 г. на этом месте красные партизаны сражались с колчаковскими войсками. Еще в 1927 г. тут волки выводили волчат. А сейчас большевики построили на этом месте город, в котором живет 200 тыс. населения. Этот город называется Сталинском.

Город расположился около громадного металлургического завода им. Сталина. Этот завод — один из частей Урало-Кузнецкого комбината. Тов. Сталин поставил задачу—создать второй промышленный центр СССР. И сейчас три домны сталинского и четыре домны магнитогорского заводов дают стройке социализма чугун, сталь, рельсы.

СТАЛИНОГОРСК

Самый молодой советский город. Он только что построен среди большого леса, у громадного химического комбината, в Московской области. В этом городе будет жить 50 тыс. жителей. Большевики изменяют природу. Там, где были маленькие ручейки, разлились громадные озера, где было чистое поле, теперь 375 кв. м занимают здания громадного энергохимического комбината им. Сталина. В комбинат входит громадный завод, который делает из воздуха удобрения азотные. Завод один даст прирост урожая пшеницы в 840 тыс. т каждый год. В комбинате вторая по мощности после Днепрогэса электрическая станция Союза и десятки других подсобных заводов и цехов. В старое время, когда капиталист строил рабочий поселок, он прежде всего возводил кабак и церковь. В советском же городе прежде всего строятся клубы и школы. И новый Сталиногорск, едва родившись, имеет уже прекрасную школу, клуб и звуковое кино.

ВЫСОКОЕ

Самое лучшее, самое большее, самое передовое трудящиеся Страны советов называют именем своего любимого вождя Иосифа Виссарионовича Сталина.

Его имя с гордостью носят передовые заводы, колхозы, стройки.

СТАЛИНИТ

Несколько лет назад советские инженеры, побывавшие за границей, рассказали об особом сорте стали. Он был очень прочен, и резцы из него в 5—10 раз дольше работали без заточки, чем резцы из обыкновенной стали.

Кроме того обыкновенные резцы снимают металлическую стружку очень медленно. Как только они начинают быстро снимать стружку, они сейчас же нагреваются и плавятся. Резцы же из быстрорежущей стали могли безопасно нагреваться до 65°.

Мы начали покупать резцы из быстрорежущей стали за границей, потому что секрета этой стали капиталисты не открывали.

После долгих опытов советским инженерам удалось узнать, что в эту сталь добавляются в определенных пропорциях разные металлы: хром, вольфрам и др.

Удалось открыть и свой советский рецепт сверхбыстрорежущей стали. Эту необычайно крепкую сталь назвали сталинитом в честь т. Сталина, в честь его неустанной и непреклонной борьбы за строительство социализма.

Сейчас сталинит производится на наших заводах, и мы уже не платим золота капиталистам.

ВОДА ВАХША

Как раз между СССР и Афганистаном бурно мчится река Вахш. Ее берега служат границами. Ворочая громадные камни, покрываясь от ярости белой пеной, бежит Вахш в каменистых берегах. Все есть в долине Вахша, чтобы превратить ее в чудесный сад, все, кроме воды.

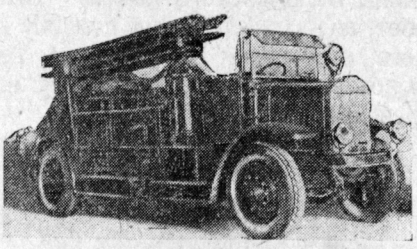
Большевики решили дать воду полям. Сначала появились исследователи. Они бурили землю, снимали планы, изучали реку. Потом инженеры составили планы десятков каналов. К Вахшу пришли тысячи людей, приползли тракторы, громадные экскаваторы начали врезаться в землю.

Работать приходилось под палящим солнцем в каменистом грунте. Приходилось рыть канал глубиной в 20 метров. Люди на дне его казались муравьями.

День за днем гремели взрывы, грызли землю экскаваторы.

Сейчас Вахшская оросительная система им. Сталина готова. Вся долина покрыта сетью оросительных каналов. По ним из Вахша бежит вода, творящая на полях чудеса.

На десятках тысяч гектаров будет посеян египетский хлопок, из которого делают лучшие ткани.



„З И С“

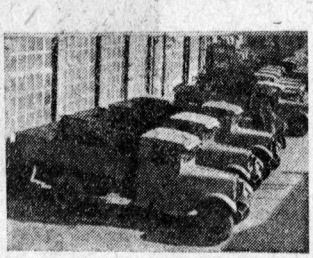
На тысячах автомобилей вы можете видеть марку «ЗИС». Это значит завод им. Сталина. На окраине Москвы сотни гектаров заняты корпусами завода.

Изо дня в день все лучше и лучше работает завод им. Сталина. Раньше например почти весь инструмент для изготовления автомобилей завод покупал за границей. А сейчас из 7.500 видов инструментов покупается за границей только один.

Недавно с конвейера «ЗИС» стали сходить новые машины, более совершенные и мощные, они называются «ЗИС»5 и «ЗИС»6.

«ЗИС»5 может возить три тонны груза, а «ЗИС»6 имеет 6 колес и легко может проходить по самым непроходимым дорогам.

Сейчас завод выпускает 25 **тыс. автомобилей в год. В конце второй пятилетки он будет выпускать 70 тыс. грузовиков и 10 тыс. автомобилей.**



САМАЯ ВЫСОКАЯ ГОРА

Путешественников, которые изучали неисследованные места Памира, очень смущала одна гора. Когда ее измеряли с одной стороны, ее высота была 6.615 м. Когда же к ней подбирались с другой стороны, высота ее была 7.495 м. Гору назвали пиком Гармо. Подобраться к ней было очень трудно, так как она очень крута, покрыта снегом. Он очень легко осыпает лавинами.

Только в 1932 г. удалось открыть, что на самом деле было две горы.

Высочайшую в СССР гору назвали пиком Сталина. Только в конце 1933 г. с величайшим трудом удалось взобраться на пик Сталина двум отважным туристам — Аболакову и Горбунову.

НОВЫЙ КРАЙ

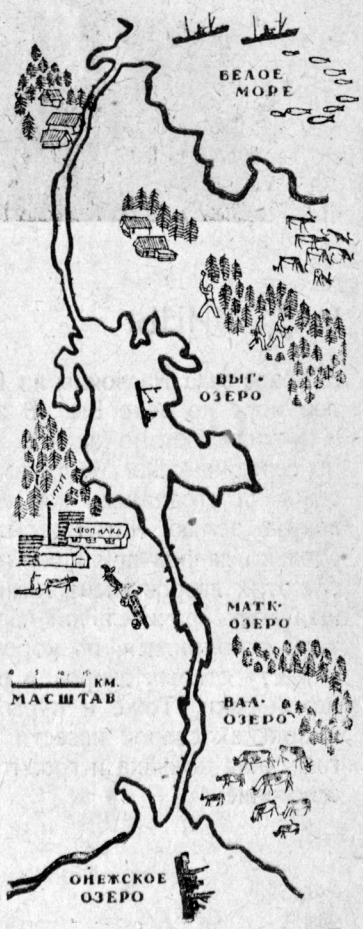
Балтийско-Беломорский канал, соединяющий Ленинград с Белым морем, тянется на 227 км. Построен он в 21 месяц. Панамский канал, отделяющий Северную Америку от Южной, длиной всего в 68 км, строился 132 месяца. Ударный труд пятидесяти тысяч бывших преступников, строивших этот канал, превратил их в честных строителей социализма.

Беломорско-Балтийский канал составляет только часть грандиозного Беломорско-Балтийского комбината им. Сталина.

Через 2—3 года этот комбинат будет работать полным ходом. Сейчас канал продолжают в две стороны. Можно будет проехать по нему от Ленинграда до Мурманска. А затем вы сможете сесть в Архангельске на пароход, нагруженный лесом при 20 градусах мороза, и через несколько дней разгрузить его в Астрахани при 20 градусах тепла.

Канал проходит среди лесов, залежей железной руды, меди, гранита. Вокруг канала вырастут заводы бумаги, шолка и сахара из дерева, рудники. Строятся громадные электростанции, два больших города.

За 5 лет весь суровый необитаемый край большевики превратили в цветущий социалистический район.



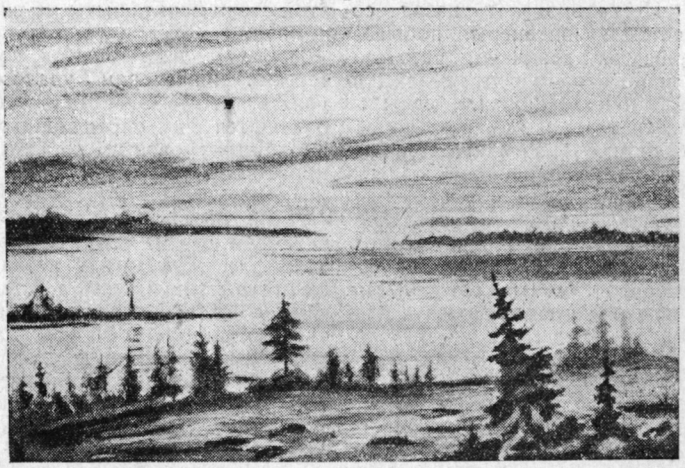
КАНАЛ ДВУХ МОРЕЙ

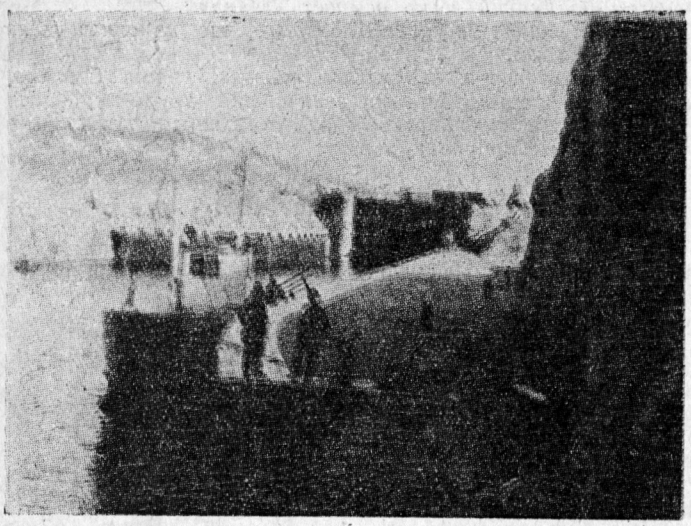
Фотоочерк М. Пришвина

ВЫГОЗЕРО

Около тридцати лет тому назад я плыл на лодке по реке Телекинке в озеро Выг («Выгозеро»), навстречу нам плыла семья лебедей: два большие и маленькие. Лебеди не могли улететь от маленьких, а речка Телекинка была такая узенькая, что при встрече мы бы могли задеть веслом лебедей. Птицы в этом краю в то время были вовсе непуганые, но все-таки лебеди не посмели встречаться и повернули назад. И так мы плыли по Телекинке в Выгозеро. Впереди нас, нехотя, часто оглядываясь, плыли лебеди.

Теперь в этом месте Телекинка шириной около 6 километров! При впадении речки в озеро были острова, и там, в протоках, спрятались от нас лебеди. Тогда на Выгозере было островов, сколько дней в году и еще три, как говорили поозерцы. Теперь прежние острова все утонули, потому что и Телекинка и Выгозеро сделаны многоводными и являются значительной частью Беломорско-Балтийского водного пути.





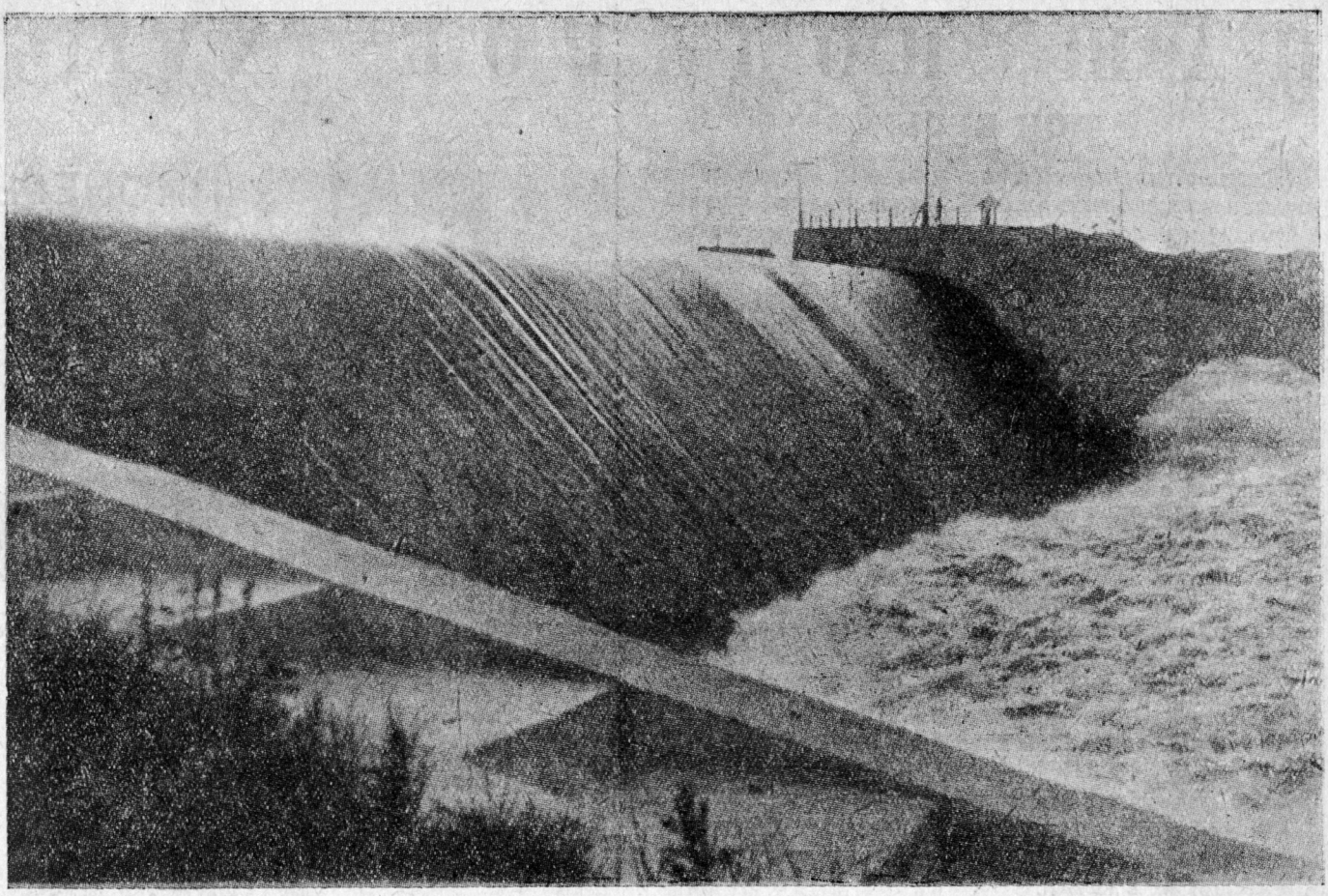
ШЛЮЗ

На переднем плане скала, и можно понять по ней, сколько нужно было труда, чтобы оформить камень и сделать его берегом канала. Скала дробится взрывами. Я это близко видел. Особым сверлом, «перроратором», буравят в камне щель, в нее закладывают взрывчатое вещество — аммонал — и взрывают. Теперь по всему северу, везде в горах, гул этого взрыва, будто происходит там большое сражение.

В глубине снимка виден шлюз, через который только что прошел наш пароход «Чекист». Шлюз — деревянная коробка, в которую наливается вода, и оттого пароход поднимается вверх, от коробки к коробке, совершенно как мы ходим по лестнице. И точно так же пароход, если нужно, спускается. Самая высокая точка лестницы Беломорского канала — это Масельга, горный хребет, водораздел: в одну сторону реки текли к Балтийскому, в другую к Белому морю. Теперь с помощью шлюзов пароход проходит в ту или другую сторону через хребет.

НАДВОИЦЫ

Возле села Надвоицы из Выгозера уходит вода в Белое море по реке Выг. В этом месте Выг остановили и пустили воду по другому руслу, проходящему теперь по середине села. Место это высокое, скалистое. Действовали страшными взрывами, потрясавшими далеко вокруг землю. Жители были ужасно перепуганы. Несколько дворов пришлось переселить, и теперь на месте этих дворов висит гигантская плотина, регулирующая воду значительной части канала. Понемногу жители успокоились, но коровы частенько завертывают к месту старых дворов и ревут у плотины на берегу новой реки. Тоже и куры, бывает, прилетают сюда в поисках старой насести. За курицей приходит разгневанная хозяйка и грозит стрелкам, охраняющим сооружение.



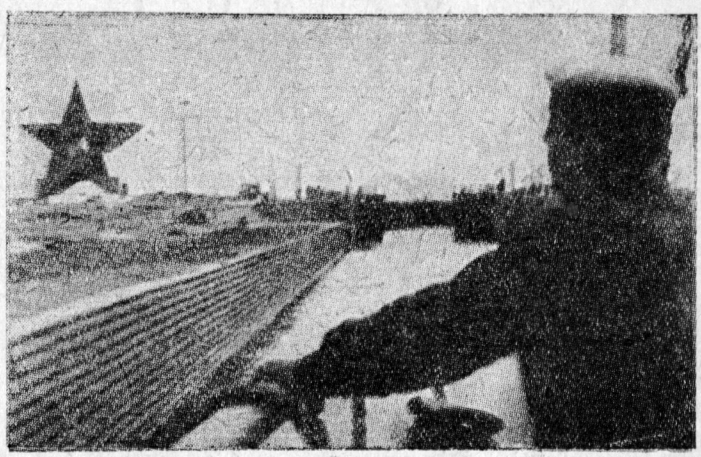
ВОДОСЛИВ В ШАВАНИ

Для судоходства по каналу вода должна быть на определенном уровне. Для того, чтобы возможно было следить за движением воды, в разных местах этого края разбросаны метеорологические и гидрологические станции. Вода регулируется системой дамб, плотин и водосливов. Если мало воды, в канал пускают воду из резервных бассейнов. Если много, ее пускают по водосливам. На снимке: Шаваньский могучий водослив.

КАНАЛОАРМЕЕЦ

Работая на канале, заключенные освобождались посредством своего труда. И стали называться не заключенными, а каналоармейцами. Многие из них работают теперь как начальники и на Московском канале и на Байкало-Амурской магистрали.

ПОСЛЕДНИЙ ШЛЮЗ



Считая от Повенца, города у Онежского озера, где находится первый шлюз «повенчанской лестницы», последний шлюз у самого Белого моря — девятнадцатый. Там поставлена огромная деревянная звезда и внутри ее статуя т. Ягоды. На снимке видны открытые ворота этого шлюза. Один из матросов нашего парохода «Чекист» готовит причал.

НАШ ПОДАРОК XVII С'ЕЗДУ БОЛЬШЕВИКОВ

МОИ ВЕСЫ

Я начал с того, что испортил тетины часы. Они лежали на комоде, в комнате никого не было, я часы разобрал, завернул в бумажку и положил на прежнее место. Мне за это попало.

Потом я начал портить другие вещи: я очень любил технику.

И наконец я решил изобрести вечный двигатель; тогда я еще не знал, что это—бессмысленное занятие.

Два проекта вечных двигателей были готовы, когда мне об'яснили, что я занимаюсь ненужным делом. Но я не бросил изобретательской работы. Наоборот, я решил во что бы то ни стало сделать настоящее серьезное изобретение.

Сначала мне пришло в голову придумать автомат для разливания чая в кафе и столовых. Но потом мне показалось, что разливать чай из простого самовара будет гораздо лучше и удобнее, чем из моего автомата. И я бросил эту мысль.

Тогда я заинтересовался другим вопросом. Почему бы не придумать такие автоматические весы, которые помогали бы развешивать продукты в магазинах. Сейчас это очень скучное и долгое занятие — предварительная развеска продуктов.

Я работал над этим изобретением полгода. Ходил советоваться в консультацию при редакции «Рабочей газеты». И наконец изобретение закончил. Тогда мне было 12 лет и я учился в V группе.

Мне выдали на мое изобретение «авторское свидетельство».

Мои весы работают очень быстро. Только один человек должен стоять около них. А они уже сами отвешивают продукты и высыпают их в кульки.

Сейчас я работаю над тремя изобретениями: над автоматическим регулированием вольтовой дуги, над автосцепкой и быстроходным военным торпедным катером.

БОРИС МОРДКОВИН

ПРОДАВЕЦ-АВТОМАТ

Я тоже начал с того, что со своим товарищем Шарманом стал придумывать вечный двигатель. Быстро изобрели двигатель и понесли чертежи инженеру. Он нам об'яснил, что мы занимались совсем ненужным делом, потому что вечного двигателя не может быть. Идя от инженера к трамвайной остановке, мы с Шарманом решили, что надо изобрести что-нибудь другое, более толковое. В конце концов я придумал:

— Мы будем изобретать автоматического продавца.

Действительно, зачем продавцы в магазине? Нельзя ли изобрести такой аппарат, который бы сам отвешивал продукты и отдавал их покупателям.

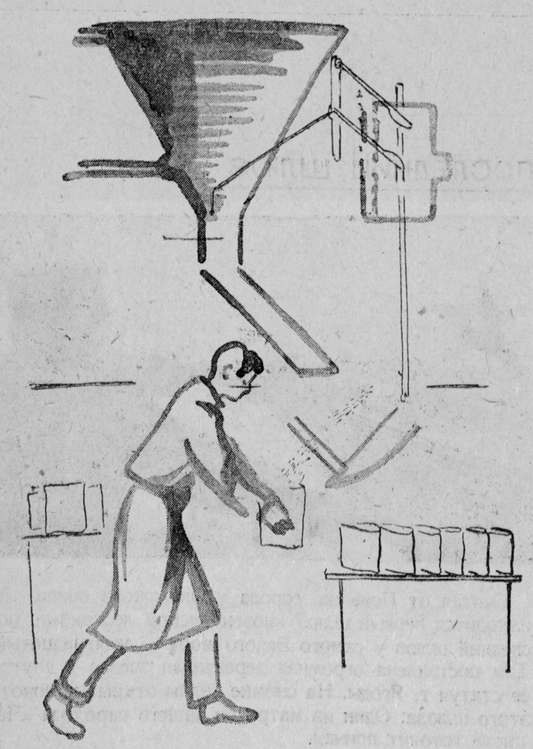
Сначала я работал вместе с Шарманом. Потом мы разделились. Мне было трудно работать. Дело в том, что мне 11 лет. Я учусь в IV группе. Геометрии мы не проходили. А мне для расчетов и чертежей моего изобретения нужно было знать геометрию. Тогда я решил досрочно подучить ее. Кое-что выучил и рассчитал. Теперь осталось только приготовить модель. Этим я и занимаюсь в Бауманском райдоме.

Магазин с моими автоматами будет совсем особенным. Прежде всего не будет ни одного продавца. Покупатель подойдет к кассе и заплатит деньги. Ему выдадут особый металлический жетончик. Этот жетон покупатель бросит в маленькое отверстие автомата. И автомат отвесит и выдаст покупателю то количество продуктов, за которое он заплатил в кассу.

Сейчас я работаю над усовершенствованием моего изобретения.

БОРЯ ЛУКИШКЕР

ПЕРО „ТУТ-ИТАМ“



Все началось с того, что у меня сломалось перо, когда я сел учить уроки. Запасного пера дома не было, а бежать в магазин уже поздно. Как быть?

Я вспомнил, что раньше, когда люди не знали стальных перьев, все писали гусиными. Вырывали у гуся перо, обтачивали, расщепляли его конец и писали. Но где же в Москве поздно вечером найти гусиное перо? А уроки писать все-таки надо. Вот тут-то мне и пришла в голову мысль сделать перо из того материала, который лежал у меня под рукой,— из целлулоида.

Дело в том, что мой отец работает мастером по целлулоиду. Конечно я с малых лет тоже возился с этим материалом. И мне показалось, что целлулоид может мне пригодиться.

Целый час я возился с целлулоидной пластинкой. Наконец перо было готово. Попробовал писать. Перо давало и тонкие и толстые линии. Мне даже показалось, что оно пишет лучше, чем стальное.

После этого вечера я серьезно задумался над моим новым пером и решил его усовершенствовать. Я выработал для него новую форму. Теперь мое перо должно быть толстым в том месте, где оно вставляется в ручку, и постепенно делаться тоньше к концу. Кроме этого у самого конца надо сделать в моем пере углубление, и тогда оно будет захватывать много чернил.

Когда новая конструкция пера была разработана, я понял, что мои целлулоидные перья дешевле стальных.

Сейчас я добиваюсь того, чтобы как можно быстрее началось промышленное изготовление моего целлулоидного пера.

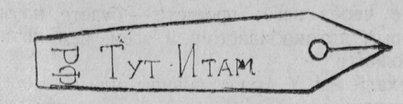
Мне обещали, что это будет скоро.

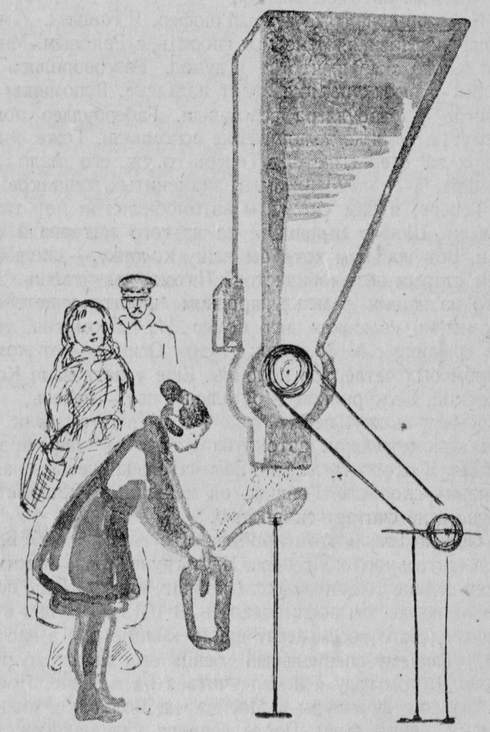
Свое перо я назвал «Тут-Итам».

РАФАИЛ ФАБРИК

Рисунки на этих страницах сделаны пером „Тут-Итам“. Прислал мне Рафаил вырезав его бритвочкой из куска целлулоида. Рисовать им гораздо приятнее, чем стальным — он мягкий, оно напоминает гусиное и позволяет делать и очень тонкие и очень широкие штрихи. Пишу я сейчас тоже им. И собираюсь еще много раз им рисовать. Мне оно понравилось!

Нина Машкова





РЕКОРД

Очерк М. Лоскутова

— Вы спрашиваете меня, что самое замечательное мы видели в Каракумском автопробеге, — сказал старый автомобилист, с двадцатилетним стажем, на вечере воспоминаний.— Вы желаете услышать самое занятное приключение, самый интересный эпизод, самую исключительную шоферскую историю.

Сейчас, когда девять с половиной тысяч километров остались за спиной и вся страна знает о блестящих результатах пробега, когда я вспоминаю дороги Чувашии, степи Казакстана, оазисы Средней Азии, пустыню Кара-Кум, где в стоверстных безжизненных просторах гудки наших машин перекликались лишь с шакалами, сейчас передо мной встает один маленький, почему-то врезавшийся мне в память эпизод.

В Оренбург мы приехали вечером. Было пусто на улицах. На площади стоял какой-то автомобиль. Около него стоял шофер, он заложил руки в карманы и презрительно смотрел на нашу колонну. Потом он сплюнул и сказал громко:

— Извозчики, а не шофера. Тоже пробег, подумаешь!..

Вечером мы встретились с ним в столовой гостиницы. Он был сильно выпивши. В столовой играла гармошка, стоял гром. Шофер сказал мне:

— Я вот пятнадцать лет по этим дорогам езжу. А дорог здесь нет. Одни ямы да пески, муть сплошная. За город выйдешь да возьмешь четвертую скорость — пыль столбом. Это езда. Я за пятнадцать лет может быть одних ребер пятнадцать штук поломал. Вот героизм!

Фамилия его была Раков. Он был старым шофером и опытным автомобилистом.

Я, товарищи, тоже старый шофер. Я гонщик. У меня душа шоферская. Я не мог спорить с Раковым. Много он такого сказал, что и я думал. Разговорились мы с ним — рыбак рыбака видит издалека. Вспомнили мы многое. Габербуллера вспомнили. Габербуллер погиб, петли на машине делал. Лерхе вспомнили. Тоже погиб, вверх за трек вылетел. Теперь-то уж его мало кто помнит. А сколько их было, знаменитых гонщиков!

Теперь, я вам скажу, и автомобилистов нет таких совсем. Шофер нынешний из другого материала сделан. Вот возьмем хотя бы нашу колонну,— сколько в ней старых автомобилистов? Пяток насчитаешь. Вот кто из наших в международном пробеге участвовал: Кузнецов, «бьюика» вел номер 31; Соломатин, тоже на «бьюике», № 36, ехал; старик Осипов—тот командором был четвертой колонны. Еще участвовали Колусовский, Бескурников, а остальные все — зелень.

Я вам скажу, первый раз я в жизни грузовик вел. На километровках автоклуба всегда на «пирс-арроу» ходил. Я скорость люблю. Замечательная вещь в нашей жизни—скорость. Гонщик, он меньше ста километров в час и не считает скоростью.

Обидно мне в этом пробеге. Что наш пробег? Вроде испытательного конвейера. Идут грузовики,— таких по всей стране тысячи ходят. Скрипят, милые. Наше поколение не на том воспитывалось. В 1913 г. Шульц в Ленинграде сто восемьдесят шесть километров в час сделал. Так ему специальный «бенц» был для этого построен. В том году я начал учиться на машине. Помню, тогда еще французы в Москве, на Волхонке, «накрылись». Гонки были. После финиша уже на всем ходу водитель выключил конус, получилась восьмерка, сбил семь машин, сам повернулся, от пассажиров — пыль.

В нашем деле нельзя без этого. Я сам сколько раз спотыкался. Раз под городом Горьким в реку Клязьму с машиной упал. Один раз под откос слетел. Переворачивался. Всякое бывало. Сколько машин поломано. Руку сломал.

Я рекорды ставил. Рекорды скорости, призы имею— часы, кубок, подстаканник серебряный.

А тут под Оренбургом еще у меня такой случай вышел. Села моя машина в песок, не идет, буксует. Догоняет сзади другой номер. Там водителем молодой парнишка с завода, из деревни недавно, трактористом был.

— Ты,— говорит,— не переключай скорость на гору. Возьми сразу на первую мощность больше,— машина песок неспеша возьмет.

Он меня учить будет!

— Ах ты, щенок,— говорю,— ты меня учить начнешь, какую скорость брать. Пшел вон!

Нужно вам сказать, что вмешиваться в чужую машину в пробеге вообще неприличным считается. Ведь раньше как в пробегах было,— водители только и старались друг друга слопать. Чего-чего только не делали. Поговори со старыми гонщиками, они расскажут, как песок в коробку скоростей подсыпали, сахар в бензин бросали. Бензин от сахару густеет, мотор начинает чихать. Остановка — значит записывают очки. На всех стоянках машины пломбировались и проволокой обматывались все части, чтобы никто даже и к своему хотя бы мотору не мог пробраться. Но для опытного автопробежника это что? Ноль. Ухитрялись и магнетто из-под пломбы вынимать.

Но едем мы дальше. Однажды дождичек прошел, по насыпи идем, дорога заблестела. Плетутся машины еле-еле. Обида меня взяла. Ах, грузовая команда! Дал я четвертую скорость и обгоняю того самого паренька. И тут колеса мои пошли юзом, руль никак не удержать, машина вбок и с откоса. Я успел выскочить. И вот сейчас же подбегает тот парень, свою машину подводит с другой стороны насыпи, канат привязывает к моей, завел свою и повернул машину обратно. Вице-командор тут под'ехал. Крик, ругань.

— Как так, что такое?

— Ничего,— парень тот ему говорит.— Дорога мокрая, невозможно трудно. Я чернозем во-как знаю. По нем нужно итти осторожно, как по острию ножа. Руль ни на сантиметр вбок.

Теперь мы проехали девять с половиной тысяч. Вы спрашиваете, какой мне больше всего участок запомнился. Я думаю, всем один запомнился: от Аральского моря до Ташкента. Во всем Союзе не найти больше такого участка; как будто нарочно сделали его: вот вам вроде как автомобильный ад. Садитесь за руль и проезжайте через него; проедете — будете называться и старым автомобилистом, и всем, чем хотите. Нет, — молчите.

Ну вот поехали мы. У Арала машины шли по морю. Километров тридцать они шли прямо по воде, так как слева были неприступные пески. Потом мы пошли по мокрым солончакам. Здесь автомобили садились, точно мухи на липкую бумагу. В'ехать в'ехали, а вылезти — никак. Все собрались и друг друга вы-

Каракумский пробег. Рисунок деткора Володи Иванова. Смоленск

таскивали. Пошли по пескам. Из песков вышли, пошли кочки. Эти кочки доходили до метра высоты, и между ними нельзя было выбрать дороги, и машины прыгали через них. И это продолжалось полторы суток, и у меня до сих пор стоит звон в ушах от этой качки. Мы шли по верблюжьей тропе вместо дороги. Потом исчезла и тропа. Мы шли просто так, по земле. Мы заехали в туган — в траву, в кусты, в два раза выше машин, а машины ломали кусты и шли напролом. Мы ворвались в болото и начали гатить его, засыпать землей, и когда машины шли, они качались точно в гамаке, готовые вот-вот провалиться. Мы попали в такое место у железнодорожной насыпи, где по обе стороны окончательно нет прохода из-за воды. Тогда мы вывели машины на рельсы и ехали по шпалам. Потом начались мосты. Они ломались под машинами, машины падали в воду, мы их вытаскивали рельсами, домкратами, канатами, буксиром. Мы строили новые мосты. Мы не спали по ночам, нас кусали слепни и трудно было вести машину, у нас не хватало воды. Все было, товарищи. Только вот, когда уже проехали мы и Среднюю Азию и песок, проехали Закавказье, проехали Военно-Грузинскую дорогу, проехали Дарьяльское ущелье, были под облаками, прошли скалу «Пронеси господи», была стоянка, подхожу я как-то к нашему инженеру Колусовскому, к самому старшему водителю в нашей колонне, автомобилисту с 25-летним стажем, и говорю ему, скручивая папироску:

— Горы, — говорю. — Вот дорожка. Смотри, где облака, где обрыв, — не поймешь. По такому ландшафту и свернуться недолго.

— Что ж, — он отвечает. — Ничего тут такого особенного. Я по этой дороге ездил, — подожди, дай припомнить, — ровно, ровно сорок два раза в жизни. Работал я тут.

— И ничего, ни разу такого?..

Тогда он берет меня за пиджак и говорит так мне:

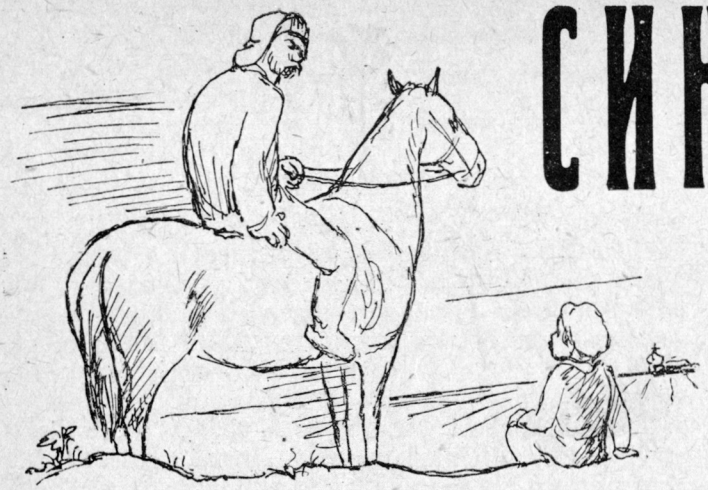
— Я ездил везде. Я ходил на машине в Закавказье, в Белоруссии, Таджикистане, в Сибири. Я ездил на мотоциклах, на легковых, на грузовиках. Проходил я горы, тайгу, пески, ездил и езжу на асфальте, в городе с двухмиллионным населением. Я занимаю большой пост, сам строил первые автозаводы и по роду службы испытываю самые новые и необычайные, всякие типы машин. Но я тебе скажу то, чему ты удивишься, но можешь, если хочешь, проверить: у меня в жизни не было ни одной, малюсенькой даже аварии. Ни разу я даже не зацепил человека крылом.

Вот что мне сказал Колусовский. А когда приехали в Москву, смотрю я, — знакомое лицо. Это Раков, шофер из Оренбурга. Приехал он по какому-то делу в Москву, вышел, конечно, нас встречать, — шофер ведь.

— Ну как, — усмехается, — дошла грузовая колонна?

— Да, — отвечаю я ему. — Она, знаешь ли, как раз состоит из тех машин, что могут у дьявола пройти. Плохой пробег у нас получился; ты, говорю, извини, пожалуйста, но за девять с половиной тысяч километров мы не сломали ни одной машины и у нас целы все ребра, все ноги, все руки; и вообще, если хочешь, я поставил новый рекорд в своей жизни. Самые же лучшие у нас рекордсмены безаварийности два товарища — самый старый и самый молодой водители — инженер Колусовский и комсомолец Сережа Захаров. У него во всех четырех колесах машины сохранился московский воздух, с которым он выехал три месяца назад, он провел машину без одного прокола. Плохой шофер!

СИНИЕ ЗВЕЗДЫ



Повесть А. Гайдара *Рис. Ф. Полищука*

(Продолжение)

Матвей обернулся. И точно, вслед за ними от вокзала, прямо по грязи бежал человек, что-то крича и размахивая руками.

Матвей остановил коней и вскоре узнал в догонявшем того человека в кожаной фуражке, который только что слез с поезда.

— В Малаховку? — спросил, подбегая, запыхавшийся человек. — Ах, черти! Чуть было не отстал. — Он поспешно сбросил мешок, вскочил сам на телегу и спросил: — Это ты бригадир? Ну здорово! Тебе от Бутакова записка. Заболел Шарабашкин. Меня за него послали.

— Го-го! — Загоготал Матвей.— Вот оно что! А я смотрю, кто это по грязи, как козел, скачет? Ах ты, Шарабашкин! Молодец Бутаков! Ну, теперь все хорошо... Трогаем!

★

Новому бригаднику было лет под пятьдесят. Кожаная фуражка была ему не в пору: мала. От этого лысая голова его казалась еще круглее.

Но больше всего удивило Кирюшку то, что у бригадника была только одна бровь. Другой брови не было, и от этого лицо его казалось сбитым из двух разных половинок.

— С сыном едешь? — спросил бригадник, забирая у Матвея вожжи. — Сын-то ростом не в батьку. Но, хорошая! — задорно крикнул он, подстегивая шуструю буланую пристяжную. — Получай овсеца с другого конца! Тпру... дура!.. — озабоченно остановил он, и, соскочив на землю, уверенно направился к лошадиной морде. — Как же это ты, бригадир, едешь, едешь, а у тебя вожжа под чересседельник пропущена?!

— Скажи ты! А мне и ни к чему! То-то я смотрю все вертится проклятая,— оправдывался Матвей. И теперь уже совсем дружелюбно посмотрел на нового товарища, прикидывая, что с этим вероятно работа пойдет ладно.

Телега затарахтела дальше, а Кирюшка с еще большим любопытством и даже с уважением посмотрел на этого однобрового человека.

— Что смотришь? — спросил тот. — Али я знакомый?

— Отчего это? — нерешительно спросил Кирюшка, показывая на безбровый глаз.

— Это, брат, смолоду. Дитем еще был. Дед под горячую руку кипятком в лицо плеснул. Зачем, говорит, сел за стол лба не перекрестивши. Спасибо еще, что глаз-то цел остался. — Ну, хорошая! — задорно крикнул он буланой коняге. И, сжимая вожжи между коленей, он сказал, оборачиваясь к Кирюшке и подмигивая ему голым глазом:

— Вот, брат, у нас какое в детстве бывало, — это тебе не с пионерами в барабан бить.

★

Ехали полем, ехали лесом. Перед самой Малаховкой дорога подняла круто в гору.

Первая подвода остановилась, поджидая отставшую вторую.

— Ну, доехали, — крикнул Матвею посиневший и продрогший Федор. — Все нутро растрясло. Куда останавливаться поедем?

— В контору поедем, там скажут. Далеко ли, старик, контора?

— Контора-то? Контора-то не больно далеко. Да кто его знает, не поздно ли в контору. Я лучше вас до Калюкина свезу. Он уже все об'яснит вам — и куда и что.

— К Семену, что ли, или к Якову? — неожиданно спросил у подводчика подошедший новый бригадник.

— К Семену, к Семену, — подтвердил старик, поднимая удивленные глаза на спрашивавшего. —К Якову зачем же? То Яков — он ни к чему, — а то Семен... Александр Моисеевич! — протяжно заговорил вдруг старик, уставившись на нового человека. — Александр Моисеевич! Вас ли привел господь бог встретить.

— Бог не бог, а как видишь, — ответил бригадник, здороваясь с подводчиком. — А ты, дядя Пантелей, не стареешь и не молодеешь. Ну, к Калюкину, так к Калюкину. Где он? Все там же на Овражках?

— Нету, Александр Моисеевич: он да Григорий Путятин теперь в Костюховском дому живут. Давно уже живут.

— А сам Костюх где?

— Костюх? — И старик еще с большим удивлением посмотрел на спрашивавшего. — Выслали Костюха, Александр Мои-сее-вич,— задумчиво и протяжно добавил он. — Какой там Костюх! Да у нас за эти годы делов-то, делов-то сколько переделалось. Какой там Костюх! — повторил старик и, недоуменно улыбаясь, махнул рукой.

— Бывал ты, что ли, здесь? — спросил у нового товарища Матвей, когда зашагали они рядом с подводами вдоль села.

— Бывал ли? А ты у него спроси, — улыбнувшись, ответил бригадник, кивая на старика. — Вот что, бригадир, — сказал он, останавливаясь. — Вы прямо к Калюкину ступайте, а я тут к знакомым заверну. Все равно уже скоро ночь. А я вас завтра чуть свет разыщу, тогда и за работу.

— Здешний он, что ли? — спросил у старика Матвей, когда новый товарищ, круто свернув в проулок, исчез из виду.

— Александр Моисеевич? — спросил старик. — Баль-шая голова! Это он наш колхоз собрал. Вон, видишь,— как раз на горке домок с радиом: это раньше он здесь жил. Как же! — все так же задумчиво повторил старик. — Как же!.. здешний! Первый наш председатель.

Матвей хотел было расспросить подробней, но тут подводы остановились у калюкинского дома, и удивленные бригадники увидели следующее:

Возле трех порожних подвод стояли два насупившихся подводчика и толстая баба, которая крепко держала в руках два больших, еще горячих каравая хлеба. А возле этой бабы сердито и беспомощно кружился и прыгал сам маленький рыжебородый Калюкин.

— Давай, Маша, давай! — быстро говорил он, пытаясь схватить каравай хлеба. — Давай, Маша! Видишь, людям некогда. Я тебе завтра чуть свет из пекарни такие же принесу.

— Не дам, — сурово и громко отвечала баба. — У меня хлеб сеяный, а ваш пекарь норовит с отрубями спечь; у меня хлеб как хлеб, а у него то с подгаром, то с закалом. У меня чистая мука, а ему недолго и песку в квашню подвалить. На чорта мне сдался ваш пекарский хлеб!

— Ты бы хоть людей постыдилась, Маша! — завопил увидавший бригадников Калюкин. — Какой песок? И как тебе не совестно?.. Давай лучше, Маша, давай! Сама видишь, людям некогда.

Но тут толстая баба и сама заметила под'ехавших незнакомых людей. Она сердито плюнула в сторону отскочившего Калюкина, с сердцем швырнула оба каравая в крайнюю подводу и быстро пошла в ворота, одергивая находу высоко подоткнутую юбку.

Обрадованный Калюкин закричал подводчикам, чтобы они поскорей уезжали, и побежал навстречу под'ехавшим.

— Это ничего, — об'яснил он, здороваясь с Матвеем. — Это Маша... Жена моя... Тут, знаете, хлеб в пекарне запоздал, а людям на станцию надо — бензин подвозим. Вот она, Маша, и сердится.

— Так ты хлеб у нее своровал, что ли? — рассмеялся догадавшийся Матвей.

— Зачем своровал? Взаймы взял, — обиделся Калюкин.—Завтра отдам. А это она врет, что с песком. И подумать только, — сболтнет со зла такая дура, а там и пойдет: с песком да с песком. — Заходите, заходите, заходите!—опять весело зачастил Калюкин.— Вот и хорошо, что приехали.

— Маша, — вскоре, как ни в чем не бывало, распоряжался он в избе. — Вздуй-ка, дорогая Маша, для гостей самовар.

— Самовар, — спокойно и укоризненно отвечала толстая баба. — И сколько раз я тебе говорила: отдай, Семен, в кузницу. Долго ли кран починить? А теперь — самовар! Эх, ты!—с досадой добавила она насмешливо и добродушно. — Эх, ты! И правда, что одно слово — актиф.

И опять подтыкая юбку, она сердито закричала высокой чернобровой девке Любке, чтобы та вздула огонь и поставила чайник.

Матвей и Кирюшка ночевали у Калюкина.

Перед тем, как лечь спать, Матвей вспомнил о записке от Бутакова. Бутаков писал: «Посылаю тебе кузнеца из утильцеха — Александра Моисеевича Сулина. Работает он у нас недавно, но человек, кажется, толковый. Спасибо, что выручил и вызвался поехать взамен Шарабашкина».

Кирюшке постлали на сундуке, на печке. Сквозь окно виднелась лунная пустая улица. В темной избе пахло теплым хлебом, березовыми вениками. Где-то в головах стрекотал сверчок, а за стеною ворочалась и постукивала скотина.

Проснулся Кирюшка оттого, что в окошко громко застучали. Сквозь зеленое стекло он разглядел лошадиную морду и голову человека в мохнатой папахе.

Калюкин вышел. Вскоре Кирюшка увидел, как в избе напротив зажегся огонь, а по улице пробежали двое или трое.

— Уж не пожар ли? — с тревогой спросила толстая Калюкиха и, проворно соскочив с постели, вздула лампу.

Проснулся и Матвей. В сенях застучало — упала метла, и в избу вошел Калюкин.

— Вот беда, — заговорил он, поспешно натягивая сапоги.—Дай-ка, Маша, шапку. Вот беда,—об'яснил он Матвею. — Возле Куракина — это восемь верст повыше по реке нашей, по Согве, — затор. Льду поперек набило — прорва. Вода вширь пошла. Спасибо еще, куракинский председатель нарочного верхового прислал.

— А вам что за беда? — спросил Матвей.

— А то беда: как бы не затор, то прошла бы вода мимо. А теперь вот-вот прорвет и двинет вода поверх берегов. У нас этак уже годов 6 тому назад было.

— И что затопит? — затягивая штаны, спросил Матвей.

— А то затопит, что как раз вашу кузницу затопит, да и амбары с зерном как бы не захватило.

Оба они, и Матвей и Калюкин, сейчас же ушли. Толстая Калюкиха вскоре погасила лампу. По улице пробежало еще несколько человек. Протарахтели колеса. И наконец, тяжело громыхая и заставив задрожать всю избу, протарахтел мимо трактор с прицепом. Потом все стихло.

Кирюшка уже почти засыпал, как услышал что-то такое, отчего он насторожился и повернул голову к окну. Кто-то быстро шел по улице, подпрыгивая и подпевая:

Тари-тира-та
Всюду темнота;
Тари-тири-ри
Ээй... смо-три...

Голос напевавшего этот не ко времени веселый мотив был чист и звонок. И удивленный Кирюшка сразу же угадал, что поет это не взрослый, а кто-то из ребят — вероятно мальчуган.

— Любка! А, Любка! — сонным голосом позвала Калюкиха дочку. — А никак это Фигуран?

— А то кто же? — равнодушно ответила девка. — Фигуран... Фигуран и есть.

— И скажи, что за паршивец, — зевая и почесываясь, удивилась Колюкиха. — Ни свет, ни заря, а он вон что. Был бы отец, он бы показал ему хворостиной ти-ра-ра...

— Драли уже, да что толку-то, — неохотно ответила Любка. — Спите, маманя. Мне утром на скотном и за себя и за Соньку работать. Да и арифметику я нынче из-за гостей что-то вовсе плохо выучила.

★

Было уже солнечно, когда раскрасневшаяся у печки Калюкиха разбудила Кирюшку.

— Вставай, парнишка, — сказала она, — сбегай к речке, спроси у мужиков, придут чай пить или нет. Я уж и так чайник два раза доливала.—Кирюшка оделся, сунул в карман теплую лепешку и выбежал во двор. Но во дворе, у самой калитки, стояла сильная

черная собака. И насторожив уши, она смотрела на него зелеными злыми глазами.

— Собачка... — робким и ласковым голосом позвал ее Кирюшка. — Собачка... Шарик... Уу, ты, моя хорошая!..

Собака стояла, не шелохнувшись, и не спускала глаз с незнакомого мальчугана.

— Не дам,—сурово и строго отвечала Маша

— Собачка... — еще ласковее позвал струсивший Кирюшка. — Фю... фю... Хочешь, я тебе лепешечки дам. На, возьми!

Собака тихонько подошла, осторожно обнюхала кусок лепешки, и вдруг, вместо того, чтобы сожрать кусок и дать Кирюшке дорогу, она с рычанием отбросила лапой лепешку и злобно оскалила страшные белые зубы.

— Я тебя! Я тебя! Ах ты, негодник!—распахивая окно,закричала на собаку Калюкиха.—Иди, сынок, не бойся. Ты только не кидай ему ничего. Его это в прошлом году чуть было не отравили; так он с той поры от чужих и крошки не возьмет.

«Вот проклятая собака! Это тебе не то, что Жарька. Той что ни кинь, все сожрет»,— подумал Кирюшка, проскочив сквозь калитку. Он сунул в рот оставшийся кусок лепешки и быстренько побежал под гору, — туда, где чуть виднелись суетившиеся у берега люди.

Матвея он нашел у кузницы.

— Чай пить иди. Тетка зовет, — позвал его Кирюшка.

— Уйди, Кирька... зашибу, — ответил Матвей, нагибаясь и принимая на спину большой кузнечный мех.

Повертевшись около кузницы, Кирюшка пошел к амбару, где стояли подводы. Тут он наткнулся на Калюкина.

— Чай пить иди, твоя тетка зовет, — передал ему Кирюшка, — а то, говорит, она и так два раза чайник доливала.

— Ты куда кладешь? Ты как мешок кладешь? — бросаясь к телеге, писклявым голосом заорал Калюкин.—Клади дырой вверх. Куда зерно в грязь сыплешь!

И, сдернув с головы шапку, он поставил ее под желтую струйку высыпающегося из прорехи овса.

— Что за чай? — сердито ответил он Кирюшке. — Какой тут чай!?.

Он обернулся, прикидывая, куда бы это высыпать из шапки овес, но в это время его крикнули, и, сунув шапку с зерном Кирюшке, он исчез среди народа, толпившегося у амбаров.

Кирюшка постоял, постоял, но вскоре стоять ему надоело, и он пошел на пригорок, где в толпе увидел сутулившегося Федора Калганова.

Отсюда, с пригорка, хорошо было видно, как в четырех крайних избах поспешно выволакивали все пожитки.

Седая и очень кроткая с виду старуха тяжело поднималась в гору. В одной руке она бережно несла старую, разбитую икону, а другой цепко держала рыжего, злобно мяукавшего кота.

Позади старухи две бойкие девчонки тянули за рога упиравшуюся козу. А за ними, пушистой вербовой хворостиной подгоняя пару гусей, шагал уже знакомый Кирюшке подводчик дед Пантелей.

Поровнявшись с Федором, дед остановился и поздоровался.

— Твоя хата? — спросил Федор, показывая на самую крайнюю избенку. — А ведь недолго, пока и затопит.

— Затопит, — беззлобно согласился старик. — Нас это со старухой годов шесть назад уже топило. И как затопило — ночью. Сами еле выбрались. Лошадь вывести не успели. Телка пропала... Поросенок да две, что ли, курицы. Ариша,—виновато спросил он у отпустившей кота старухи, — что у нас тогда, две или три курицы потопло?

— Три курицы, старый дурак, — неожиданно очень злым голосом ответила старуха. — Три курицы да один петух, чтоб на твою голову хвороба села. Говорила я тебе не трогай икону — сама сниму. Так нет... Полез. Разбил стекло, раскокал лампадку. Вот погоди,—злорадно пригрозила она,—погоди, снесет избу в реку—пойдешь по миру, тогда узнаешь, как за иконы браться.

— Все от бога, — смущенно пробормотал дед Пантелей, оборачиваясь к Федору.—А я что же...

— Зря сердишься, старая, — успокоил Федор. — Как так — по миру? Нынче нет такого закона, чтобы колхозник, да вдруг — по миру.

— Я ведь тоже понимаю, что зря, — приободрившись от хорошего слова, заговорил старик. — Мне шестьдесят годов, а у меня семьдесят трудодней на колхоз выработано, да по ночам — сторожем — керосин при тракторах стерегу. Да у старухи восемнадцать ден — овец стерегла. А она, глупая баба, что понимает... Весна, — добавил он, улыбнувшись и показывая на голубой сверкающий горизонт.—И до чего же хорошее времечко это — весна.

— А никак пошла.

— Пошла, пошла, — послышались вокруг Кирюшки озабоченные голоса.

И точно, из-за реки с раскиданными по ней островками дунул холодный ветер. Льду еще не было видно, но вода поперла с большой, все увеличивающейся силой.

В течение нескольких минут она заняла двор крайней избенки и, взметнув мусор, остатки дров и соломы, хлынула дальше, подбираясь к амбару, от которого только что от'ехали последние, груженые зерном подводы.

— Кирюшка, — спросил потный и красный Матвей, — ты что это шапку держишь? А тебя Калюкин ищет.

— А зерно куда? — спросил Кирюшка. — Я, дядя Матвей, пересыплю зерно в карманы, а то у меня и так на холоду все руки занемели.

— Сыпь, да беги скорей.

Набив зерном карманы, Кирюшка побежал разыскивать Калюкина. Но вскоре он остановился возле

кучки мужиков, баб и ребятишек, обступивших какого-то лохматого и горбатого мальчугана.

Этот лохматый и горбатый, воткнув посреди круга кривую палку и притоптывая возле нее, спокойно и гордо распевал такую песню:

Дело было на заре
У Семена во дворе,
Он лопатою копал,
Что-то по земле искал.

Дружный и непонятный для Кирюшки хохот раздался при этих словах вокруг певца. А он, спокойный и уверенный, прошелся с вывертом вокруг палки, топнул ногою, как заправский танцор, и продолжал:

Если б солнышко не грело,
Не просохла бы вода.
— Отчего изба сгорела?
...Тири-ри да тара-та.

И хотя опять Кирюшка не нашел в словах этой песни никакого смысла, кругом зашумели и засмеялись.

— Ишь ты! Фигуран фигуряет, — услышал Кирюшка снисходительно-насмешливый голос.—И скажи, что за человек!

Вспомнив ночной случай, Кирюшка с любопытством сунулся поближе. Но, не глядя под ноги, он споткнулся и упал, растянувшись почти посредине круга. При этом из всех карманов его потекло пересыпанное с калюкиной шапки зерно.

— Вор, — спокойно и почти торжественно изрек Фигуран, показывая пальцем на смущенно поднявшегося Кирюшку. — Вор и расхититель колхозного имущества. Начнемте же, колхозники, суд над расхитителем.

Он подошел к Кирюшке и молча потянул его за рукав, вытаскивая на середину круга.

Но тут, не дожидаясь суда, испуганный и озлобленный Кирюшка рванул руку и со всего размаху с'ездил Фигурана кулаком по голове. Фигуран покачнулся. Он покачнулся и снова выпрямился, насколько позволял ему горб, и с молчаливым удивлением посмотрел на приготовившегося защищаться Кирюшку.

— Дерни ему палкой по башке.

— Ишь ты, какой выискался! — заорали вокруг Кирюшки незнакомые и поэтому враждебные к нему ребята.

Фигуран подумал, схватил за рукав одного из кричавших и, подтолкнув его к Кирюшке, сказал равнодушно:

— Дай ему за меня, Степашка. И бей в мою голову до самой смерти.

Услыхав такое, Кирюшка побелел, еще крепче сжал кулаки и губы; но теперь уже совсем непонятно было ему, отчего загоготали и засмеялись ребята.

— Лодку давай!—внезапно гаркнул от берега чей-то могучий встревоженный бас.

— Лодку давай... Лодку! — суматошно и визгливо заорали другие голоса.

— Льдом-то, льдом-то дернет, вот тебе и будет лодка.

— Эге-ей! — громко заорал бас, пытаясь перекричать шум ветра и треск надвигавшегося льда.

Почуяв что-то неладное, окружавшая Фигурана толпа кинулась к берегу. Сам не зная как, очутился на берегу и Кирюшка.

Сначала, еще не остыв от гнева и обиды, Кирюшка не мог ни рассмотреть, ни понять, почему тревога, шум и крики. Но вскоре понял и он.

С шумом и яростной быстротой вода заливала островки, подминая густой мелкий кустарник. Позади, сдерживая еще больший водяной вал, надвигалась широкая полоса льда. И в это время по берегу одного из еще незатопленных островков со всех ног бежал захваченный врасплох человек.

Он бежал к мысу, повидимому собираясь броситься отсюда в воду и переплыть протоку до подхода льда. Но, добежав до самой стрелки, он остановился, закрутился и вдруг совсем неожиданно кинулся в противоположную сторону, в тот проток, который был и бурливее и шире.

— Куда, чорт? Куда, дурак? — заорал надрывающийся бас.

— Сдурел. А и есть сдурел, — заохали и заахали бабы. — Ему бы сюда кидаться, а он — вон что.

На короткое время голова пловца чуть видна была над водою. Потом она скрылась за кустарником острова.

С треском и хрустом лед прошел мимо бугра. Как ножом срезало плетень и баню. Ударив по углу, вышибло два бревна у амбара и выкинуло тяжелую сверкающую льдину к самой двери кузницы. Потом лед двинул дальше кромсать и рвать острова. А за ним хлынула мутная пенистая вода.

Долго еще не расходились мужики, бабы и ребятишки. Долго всматривались они в опушку противоположного берега, однако незнакомого пловца уже нигде не было видно

(Продолжение следует)

Вор,—спокойно и торжественно изрек Фигуран

ДОЗОРНЫЕ ПОЛЕЙ

Фотоочерк С. Третьякова

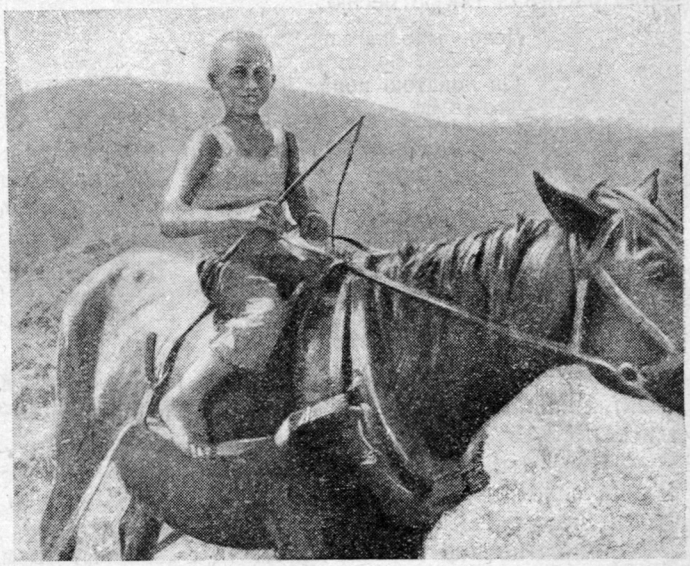
ЕГО ЗОВУТ ЮРИК

Он пионер коммуны «Коммунистический маяк» на Северном Кавказе.

Зимой он в учебе, летом в работе, как все колхозные ребята.

Когда он станет комсомольцем, — сядет на трактор. Пока еще его место на лошади. Он погоныч.

Весною он боронит. Летом пропахивает подсолнух, кукурузу, фасоль. А когда подходит урожай, отвозит полову из-под молотилки. Есть ребята по 9—10 лет, имеющие до 70 трудодней.



ЗА КОЛОСКАМИ

Если пионерский отряд в колхозе сильный, ребята зря болтаться не будут. Особенно в дни уборки. Тут работы по горло. Во-первых, надо устеречь от воров хлеб, а то постригут ножницами, забравшись в середину поля. Надо уберечь кукурузу, подсолнух. Для этого ставят специальные вышки, и на них дежурят ребята—дозорные. А чтобы знали, что они дозорные, на руке у них красная перевязь.

Но и после того, как свезут хлеб к молотилке, остаются на полях колоски. Раньше об них и не заботились. Они гнили, шли в корм грачам. Сейчас стали беречь каждое зерно. И много сотен тысяч центнеров хлеба таким образом спасают.

Действительно, пионеры и школьники—громадная сила, если в каждом колхозе они возьмут мешки и во-время двинутся на жнивье.

ЗА ПИОНЕРАМИ—И ОКТЯБРЯТА

Чаще всего они выходят вместе со старой колхозницей, которой трудно делать иную работу.

Вот и здесь с мешком набранных колосков сняты октябрята колхоза «Об'единение».

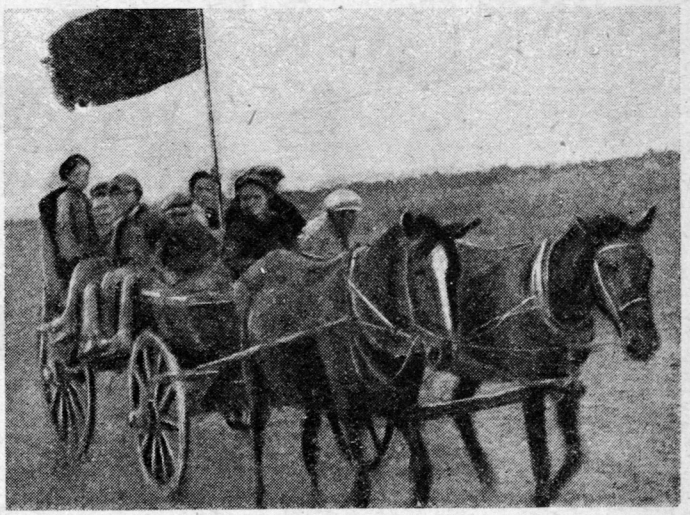
ДЕЛЕГАТ ПРОХОДИТ „ЧИСТКУ“

Яша Авдеев из коммуны «Коммунистический маяк» — герой. Он задержал взрослого вора с кукурузой и привел его в коммуну.

Но, совершив подвиг, он стал гордо сверху поглядывать на своих товарищей и считать, что сбор колосков — дело маленькое, на которое и внимания обращать не стоит.

А тут как раз подоспел пионерский слет в политотделе Аполлонской МТС. Пионеры собрались выбирать делегатов. И прежде чем Яше оказаться делегатом, пришлось ему пройти чистку и перед своими товарищами и перед секретарем партийной ячейки Васей Григорашом.

НА СЛЕТ



С 16 колхозов с'ехались дозорные урожая на слет. Ехали торжественно: в повязках, галстуках, под красными знаменами. Ехали в бричках, а коммуна своих привезла на грузовике.

НА ДОСКУ ПОЧЕТА

Слет выбрал делегатов на краевой пионерский слет в Ростове.

Поехали туда двое: Яша Авдеев и Леня Селезнев.

За Леней тоже значился подвиг: он остановил бричку, чтобы проверить, не везут ли ворованного зерна. Кучер исхлестал его кнутом до кровоподтеков, но пока не швырнул его на земь, не выпустил Леня узды из рук.

Поехали оба в новых подаренных им костюмах. Яша очень жалел, что приходится ему ехать с завязанным лицом: была у него малярия и болели после нее губы.

Зато назад вернулись ребята в полном восторге от того, что они видели. Вернулись одетые в новые майки и с медными значками на груди «Охрана урожая».

Особенно большая честь выпала Лене Селезневу. Его краевой слет занес на Всесоюзную доску почета.

СУББОТНИКИ В ТЛЯРОТЕ

Записки художника Н. Машковой
с ее же рисунками

Покрыть школу крышей — вот что нужно было сделать в ауле Тлярота, высоко в горах Дагестана.

Девять аулов приняло участие в субботнике.

С утра барабан и зурна созывали народ на площадь, со всех сторон стекались люди: нарядно одетые женщины в национальных костюмах, старики в меховых огромных «двухэтажных» шубах или бурках, молодежь в шинелях, куртках и тулупчиках. Женорганизатор Аминат пришла во главе своего отряда, и все ее женщины были в красных косынках. Из дальних аулов приехали верхом делегаты.

Плоскую деревянную крышу надо было покрыть мхом и землей. Быстро и весело работали тляротинцы. Когда солнце зашло за край горы, последняя горсть земли была утоптана. Комсомольцы подхватили красное знамя и торжественно водрузили его наверху.

Тляротинский район до сих пор был отсталым, а сейчас много у него достижений. Вот одно из них. Труден путь в Тляроту. Ехать туда надо сначала поездом, потом на автомобиле и потом верхом, всего 225 км от железных дорог, через 4 горных перевала. Если весь путь от ж. д. сделать верхом, то можно сократить расстояние, выбрав другую дорогу.

Но, сократив расстояние, время для поездки все же сократить не удастся, потому что автомобиль по длинной дороге и лошадь по короткой за один день пути приедут к одному и тому же пункту — селению Голотль, а отсюда уже все равно надо ехать верхом.

Последняя часть пути перед Тляротой—53 км—уже совсем настоящая горная тропа, где иногда приходится слезать с лошади и итти пешком, ведя ее за собой на поводу, потому что тропа местами очень узка и идет по краю обрыва, а с другого бока нависает скала, и тесно верховому на такой тропе.

Но тляротинцы обещают, что осенью 1934 г. к ним придет первый автомобиль. И тляротинцам можно верить, потому что вот что сделали они в этом году.

В 1933 г. предполагалось расширить 4 км тропы под настоящую колесную дорогу. Секретарь райкома ВКП(б) т. Хабибула Омаров поехал по аулам своего района и призвал население помочь дорожному строительству — отработать 2 субботника на постройке. Население везде отвечало ему одно и то же: «Мы понимаем, что значит для нас дорога, не 2 дня, а 4 и 6 отработаем мы для нее».

Но на самом деле тляротинцы отработали 24 дня! Из-под их рук ежедневно выходили новые и новые кусочки гладкой расширенной дороги, а впереди, узенькая, корявая, лежала тропа.

Штурмом тропы были эти субботники. Штурмом старой, мучительной, недоброй к людям и животным тропы. Зимой тропа обледеневала, и путешествие по ней сочеталось с риском для жизни. Весной местами подмывала ее река, происходили обвалы—тропа прерывалась. Лавины срывались с гор и засыпали ее сверху. Тропа прерывалась. По этим осыпям и через эти провалы помногу раз заново приходилось прокладывать тропу, перекидывать бревнышки.

Теперь люди шли приступом на старую тропу с оружием в руках.

Скалы сверлили пневматическими бурами, рвали аммоналом, отбивали кирками. 500 баранов отдали аулы района для питания рабочих дороги.

И не 4 предположенных по плану, а 31 километр замечательной дороги построен в этом году с помощью населения.

Тляротинцам можно верить, когда они что-нибудь обещают.

ДАГЕСТАНСКИЕ ШКОЛЬНИКИ

Перед школой надо еще принести воды домой. Хадижат берет за спину глиняный кувшин и идет к источнику

Патимат Басир из аула Бежита, Тляротинского района. Ударница учебы

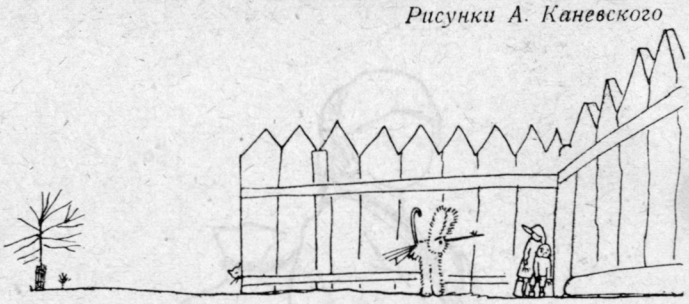
Садула не снял шапки на уроке. Забыл. А другие мальчики уже все привыкли сидеть в классе без шапок. Девочки — еще нет. Девочки всегда в платках—и в школе и дома

Магомет Аюк идет в школу. Мать сшила ему сумку для книг из самодельной полосатой шерстяной ткани. Он повесил ее через плечо на шерстяной веревке, положил внутрь книги и пару яблок на дорогу—вот так он встретился мне на горной тропе

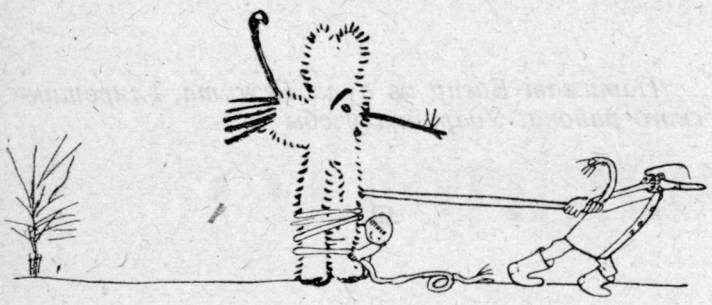
Тут-Итам в плену

Рисунки А. Каневского

Никогда в жизни приятели не бежали так быстро. Если бы не знать их необыкновенной храбрости, можно было бы подумать, что они бегут в паническом ужасе. Тут-Итам как существо добросовестное и любознательное от них не отставал



Можно что угодно думать о приятелях, но вы сами видите—бежать дальше некуда. На рисунке выглядит, как будто они прячутся друг за друга. Это только кажется. Они просто изучают обстановку. Тут-Итам ничего не изучает он просто пользуется случаем и отдыхает после бешеного бега. Он хочет познакомиться с друзьями

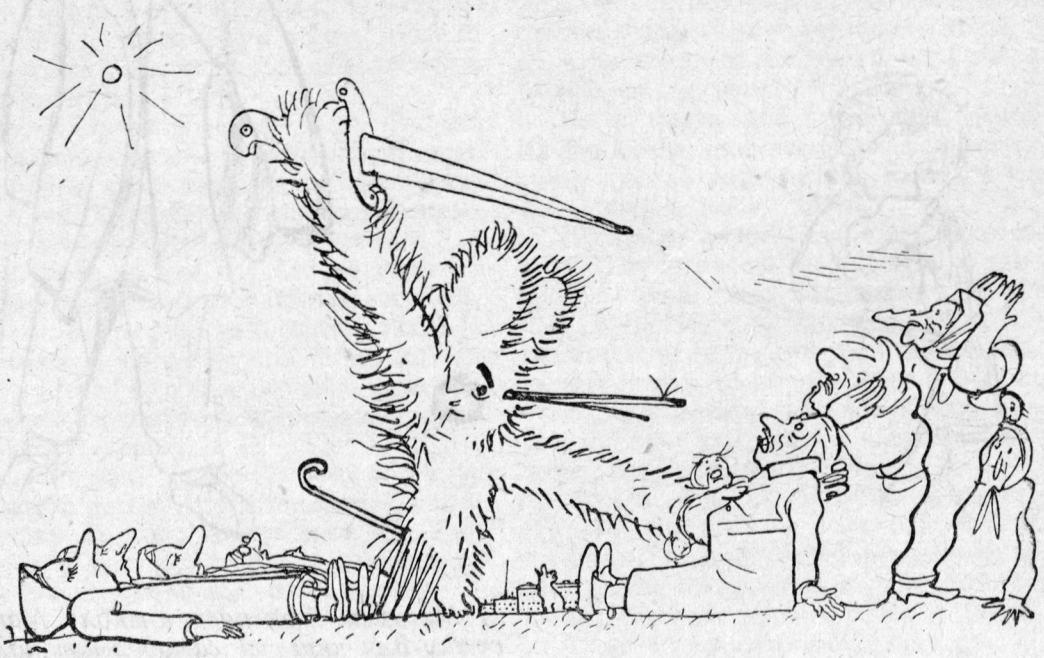


Как видите, приятели уже освоились с обстановкой. Тут-Итам не успел оглянуться, как был уже изучен и связан. Теперь он слегка озадачен, но думать некогда. Сеня Чувильчиков еще затягивает последний узел, а Яша Мамелюк тащит несчастного Тут-Итама в неизвестность

— Вот почему мы опоздали на урок,— заявили друзья школьникам.

С каким уважением смотрели на двух героев удивленные школьники. Они первый раз видят такое необыкновенное существо.

Кто это? — спросили они хором



— Это странствующий Диплодок,—ответил Сеня Чувильчиков.—Это самый хитрый и свирепый Хамеропс в мире. Это ужасный сорокорук-человекоубийца. — И они рассказали ребятам нарисованную здесь историю о том, как Тут-Итам уничтожал беззащитное население. Это было до жути страшно. Мороз продирал по коже

(Продолжение следует)

НЕОБЫЧАЙНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ ПОД КОЛПАЧКОМ ЛАМПЫ

В одном из последних номеров «Пионера» был помещен рассказ о необычайном происшествии под колпачком электрической лампы.

Один хитрый фотограф, по фамилии Махалов, ухитрился посадить в электрическую лампу двух своих приятелей, артистов Московского театра для детей. Он уверял, будто для этого он прежде всего сделал их очень маленькими, ростом в один сантиметр, не больше. Потом поставил их на письменный стол. А дальше они уже сами проделали свое удивительное путешествие. Фотограф только следил за ними и снимал.

Артисты оказались людьми очень любопытными и настойчивыми.

Прежде всего они обследовали штепсель. Они отвинтили его фарфоровую крышку и обнаружили под крышкой два металлических тоннеля и тонкую проволочку на фарфоровом кружке. Приятели ровно ничего не понимали в электротехнике и поэтому никак не могли догадаться: зачем нужна штепселю эта тонкая металлическая проволока.

Потом они забрались в лампочку, под ее стеклянный колпачок. Но так как они опять-таки ровно ничего не понимали в электротехнике, то почему-то решили, что, отправляясь туда, надо обязательно одеть маски и захватить с собой резиновые подушки с кислородом.

Вот тут-то с ними и случилось необычайное происшествие.

Когда они забрались внутрь стеклянного колпачка, рядом с ними что-то неожиданно вспыхнуло, обожгло тело, и лампа погасла. Перепуганные, израненные, они выскочили наружу. И только тут они заметили, что у одного из них кислородная подушка оказалась дырявой, а тонкая вольфрамовая нитка в лампочке разорвана.

Они, конечно, ровно ничего не поняли и настойчиво приставали к фотографу с требованием об'яснить им прежде всего, зачем нужна штепселю тонкая проволока на фарфоровом кружке, а во-вторых, почему случилась неожиданная катастрофа под стеклянным колпачком.

Фотограф отвечать приятелям отказался и сам задал эти вопросы читателям «Пионера». Читатели оказались вежливее фотографа и прислали десятки писем.

Как и полагается, некоторые ребята ответили правильно, а другие наврали.

Самым легким оказался второй вопрос — почему произошла катастрофа под колпаком лампы. Здесь почти все ребята ответили правильно. И это ведь действительно очень просто.

Из-под колпачка лампочки выкачен воздух. Когда приятели забрались туда со своими кислородными мешками, один из баллонов неожиданно лопнул и кислород вырвался наружу. Раскаленные волоски, получив кислород, вспыхнули и перегорели. Все ребята прекрасно поняли, что горение возможно только тогда, когда есть кислород. Без кислорода волоски только накаляются, но не горят.

Но вот второй вопрос оказался труднее. Многие ребята ответили не совсем верно.

Большинство решило очень просто: проволочка нужна в штепселе для того, чтобы соединить два провода.

Это, конечно, правильно: штепсельная проволока служит мостиком, по которому электрический ток переходит из стенных проводов в вилку настольных проводов. Но это еще далеко не все. Ведь для этого можно было бы просто подвести стенные провода к металлическим гнездам штепселя, и электрический ток легко и свободно проникнет через вилку в настольные провода. Зачем же сооружать для этого проволочный мостик?

Многие ребята разгадали и этот вопрос. Они поняли, что штепсельная проволока является предохранителем.

Дело в том, что иногда возможно короткое замыкание в настольных проводах. Их обмотка может порваться и два скрученных провода коснуться друг друга своими голыми металлическими телами. Электрический ток, обрадовавшись этой лазейке, бросится из одного провода в другой, его сила мгновенно увеличится во всей сети, по которой он бежит, и в лучшем случае он пережжет пробки у входа в квартиру. От этого все лампочки тотчас же погаснут.

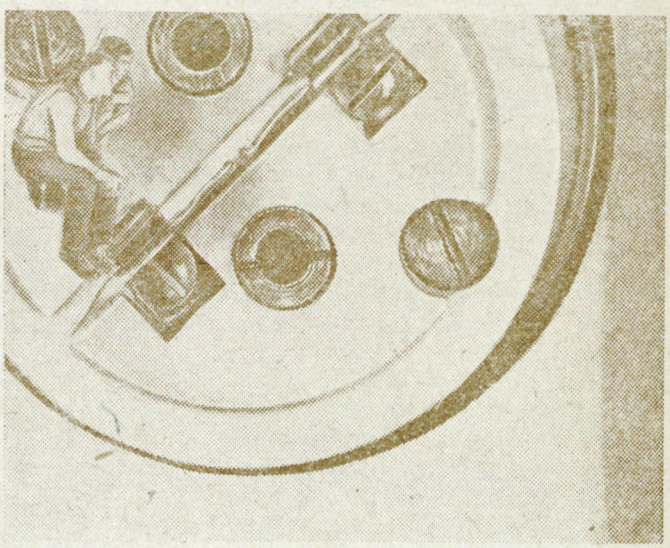
Чтобы этого не произошло, в штепсель вставляют тонкую металлическую проволоку. Когда произойдет короткое замыкание и электрический ток, мгновенно увеличив свою силу, бросится из провода в провод, его заставляют прежде всего пробежать по этой проволочке. Под действием тока проволока накалится и перегорит. Ток прервется, и лампа потухнет. Но зато остальные лампы в квартире попрежнему будут гореть ровным светом.

Вот для чего нужна тонкая проволочка в штепселе, которая так удивила приятелей фотографа.

Пока правильные ответы прислали следующие ребята: **Виктор Барыкин**—Москва, **В. Силяев**—Лаптево, **А. Праведников**—Москва, **В. Дуваев**—Москва, **Н. Градов**—Москва, **Л. Вильчинский**—Бологое, **Д. Гельфонд**—Москва, **М. Генина**—Москва, **Т. Кудинов**—Москва, **В. Сперанский**—Бугуруслан, **Л. Прохоров**—Печаткино, **В. Вершинин**—Ковров, **О. Гайгаров**—Москва, **Ю. Баринов**—Москва, **Е. Ушкова**—Клин, **Леньков**—Москва, **И. Рогожанский**—Москва, **Я. и Х. Залкинд**—Москва, **Т. Лучинский**—Москва, **Павловский**—Москва, **А. Коренев**—Москва, **К. Василевский**—Москва, **Л. Бабун**—Москва, **Г. Танаев**—Красноуфимск, **С. Сахун** и **С. Власов**—Москва, **Г. Лубов**—г. Канаков, **А. Чаботарев**—Пятихатка, **Р. Никольская**—Казань, **Г. Могильев**—Константиновка, **И. Трушлевич**—Москва, **С. Брискер**—Одесса, **С. Антойов**—Нарышкино, **В. Кузьмин**—Кочкурово и **Г. Ульич.**

Всем ребятам, приславшим нам письма, мы ответили по их домашнему адресу.

В следующем номере «Пионера» мы поместим фамилии правильно ответивших ребят, письма которых пришли позже.



И, наконец, последнее. В свое время фотограф обещал рассказать ребятам, каким образом он сделал своих приятелей маленькими и заставил их залезть под колпачок лампы. Но фотограф обманул редакцию и раскрыть свой секрет отказался. Он только пообещал, что в одном из следующих номеров журнала заставит своих приятелей путешествовать или по электрическому звонку, или по телефону, или может быть велит им залезть внутрь паровоза.

Вот теперь-то он и об'яснит свой секрет.

Он дал нам в этом честное слово.

В номере первом, на четвертой странице обложки, по вине типографии под фотографией, изображающей т. Литвинова и посла САСШ г. Буллита, ошибочно поставлена подпись—фотомонтаж Хартфильда—относящаяся к фотографии, помещенной сверху страницы.

Отв. редактор **Б. ИВАНТЕР** Худ. редактор **М. АСКИНАЗИ** Издатель: Издательство ЦК ВКП(б) „Правда"

Сдан в набор 29/I—34 г., подписан к печати 12/II—34 г. Изд. № 174 Формат 1 1/2 62×94 см. 1 1/2 б. л. 135.009 п. зн. в бум. л.

Уполномоченный Главлита № В—79063 Типография газеты „Правда", Москва, ул. им. Горького, 48. Заказ № 67 Тираж 50500

Цена 25 коп.

5156

ПАМЯТНИК ГЕРОЮ

Грохот барабанов и резкие звуки горнов наполняют улицы Москвы. Ручейки пионерских отрядов текут по московским улицам и сливаются на одной из больших площадей в огромное пионерское озеро.

В центре его возвышается высокое странное сооружение, закрытое сверху донизу гигантским чехлом. Около этого сооружения на переносной трибуне стоит представитель Центрального бюро пионеров. Он говорит:

«Павлика Морозова из глухой таежной уральской деревни Герасимовки знают все пионеры.

Павлик, убитый кулаками за то, что не побоялся выступить против своего отца, помогавшего кулакам, является примером для всех пионеров. По Павлику, который был первым учеником в школе, должны равняться все пионеры СПР.

Десятки отрядов и звеньев носят имя Павлика и стараются быть похожими на него.

В своем приветствии к 15-летию пионерского вожака—комсомола—наш любимый писатель Алексей Максимович Горький предложил:

«...здесь уместно напомнить о подвиге пионера Павла Морозова, мальчика, который понял, что человек, родной по крови, вполне может быть врагом по духу и что такого человека нельзя щадить. Родные по крови, но не по классу, убили Павла Морозова, но память о нем не должна исчезнуть,— этот маленький герой заслуживает монумента, и я уверен, монумент будет поставлен...»

Тысячи пионеров откликнулись на призыв Алексея Максимовича. Они собрали средства на сооружение памятника Павлику. Этот памятник напомнит каждому пионеру, каким он должен быть. И недаром каждый пионер, проходя мимо него, будет отдавать ему салют. Кулаки просчитались: вместо одного Павлика у нас будут миллионы новых бойцов.

От имени Центрального комитета комсомола об'являю памятник лучшему пионеру-ленинцу открытым!»

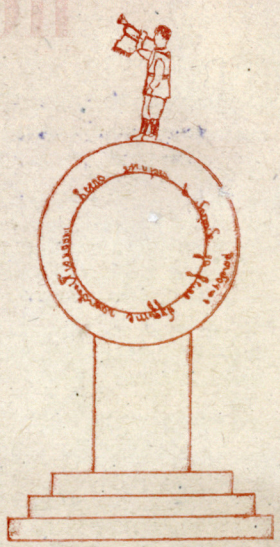
И он дернул за шнурок, который скреплял чехол. Чехол упал к подножью памятника.

Что же увидели все пионеры на памятнике?

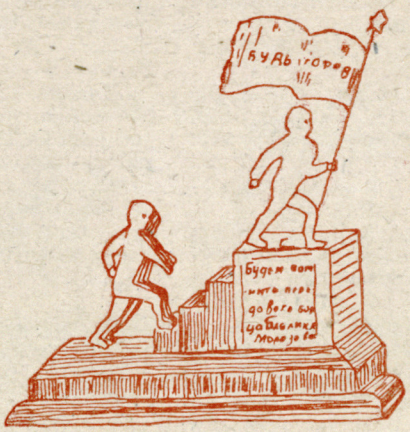
Этого мы не знаем, потому что памятника еще нет. Все пионерские газеты еще собирают на него средства, чтобы в августе, на II всесоюзном слете пионеров, заложить первый камень памятника Павлику.

Н. Шеманов. ФЗО ст. Подсолнечной, Московской обл.

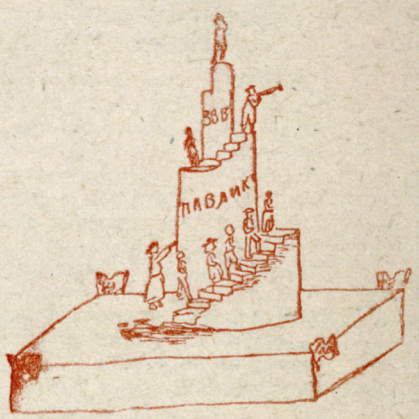
Деткор Злобин



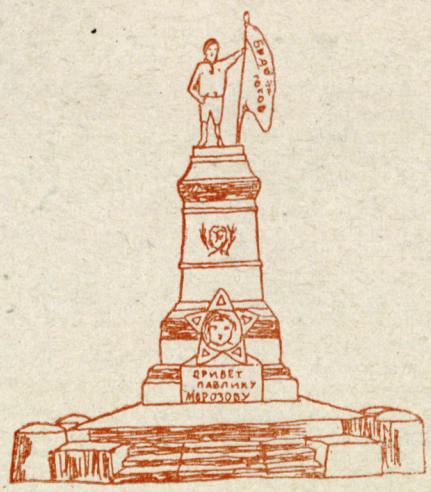
Н. Некарский из Звягинской школы, Московской обл.



Н. Селеанев из Семеневской школы ЦЧО



М. Зубков из Белоусовской школы, Московской обл.



М. Миляков из д. Грязновки, Горьковского края

П. Хорьков из Апрелевской ШКМ, Московской обл.

Каким же будет памятник? Это зависит от самих пионеров. Они должны выбрать лучшую форму памятника, такую, которая покажет значение подвига Павлика.

Составлять проект памятника герою будут лучшие скульпторы, архитекторы, художники. Но и сами ребята могут помочь им. Вот газета «Колхозные ребята» об'явила сбор пионерских проектов памятника Павлику Морозову. Сотни ребят присылают свои рисунки и предложения, каким должен быть памятник.

Примите участие в этом конкурсе. Присылайте нам свои проекты памятника Павлу Морозову.